

СМЕНА

★ ЖУРНАЛ РАБОЧИЙ ОДЕЖИ ★

1917

1924
№
17

ХРОНИКА ВЕЛИКИХ ДНЕЙ

КАК РАЗВЕРТЫВАЛИСЬ ОКТЯБРЬСКИЕ СОБЫТИЯ

ОКТЯБРЬ 1917 г. (нов. стиль)

29 Московский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов принял резолюцию — декрет об удовлетворении требований рабочих, которые проводятся производством, арестовываются.

НОЯБРЬ

1. Экстренное заседание Петроградского Совета. Выступление тов. Троцкого, заявившего, что им отпущено оружие для вооружения Красной гвардии и рабочих в Сестрорецком районе.

2. Заседание ЦК Р.С.-Д. Р.П. (большевиков) в Петрограде с участием тов. Ленина.

3. В заседании Петроградского совета Восп.-Ревком (В. Р. К.) признан руководящим органом войск столицы. Экстренное собрание всех полковых комитетов Керенского принимает решение о поддержке Ревкома.

4. Приказ по Петроградскому военному округу о приведении гарнизона в боевую готовность.

— Военно-революционный Комитет петроградского Совета потребовал от штаба Петроградского военного округа не издавать никаких приказов без его ведома. После отказа штаба доложили комитету заявчики, что вопреки все сношения штаба с гарнизоном должны происходить только через комитет.

ДЕНЬ ПЕТРОСОВЕТА

4. Многолюдные митинги на всех заводах.
— Ультиматум Временного Правительства Петроградскому Совету об отмене приказа Военно-Революционного Комитета.

5. Большинство частей Петрограда высказались за подписание Военно-Революционному Комитету.

НА ИЗГОТОВКУ

6. В. Р. К. приводит весь гарнизон в полную боевую готовность.

— Верховный Совет Республики (Предпарламент) в форме перехода на предложение Керенского одобрил действия Временного Правительства в борьбе с большевиками, наставшим восстание, предложил передать землю земельным комитетам и войти в соглашение с союзниками о начале мирных переговоров, а также организовать комитет общественного спасения.

— Захват отрядами Красной гвардии центрального телеграфа, Петропавловской крепости, Александровского парка, ЦАА, Сидельного института и ряда типографий. Первые кровавые столкновения.

БЕРЕМ ВЛАСТЬ

7. Победоносное осуществление пролетарского переворота, Бегство Керенского к войскам Северного фронта. Взятие Зимнего Дворца и арест Временного Правительства. Открытие 2 Всероссийского Съезда Советов в 10 час. 50 мин. вечера.

Образование комитета общественной безопасности.

— Экстренное заседание Петроградского Совета. Тов. Ленин выступил с речью о мирных переговорах.

— Приказ об аресте Керенского. Декреты о мире и земле. Организация Сонаркома в составе: Ленин (председатель), Рыков (внутренних дел), Милютин (земледела), Шляпников (труда), Чугин (торговли и промышленности), Луначарский (просвещения), Степанов (финансов), Троицкий (иностранных дел), Лозов (общин), Тедобурин (продовольствия), Габсов (почт и телеграфов), Сталин (национальных дел) комитет по военным и морским делам — Антонов, Кривошеин и Дьяченко. Начало саботажа в государственных учреждениях. Обращение к фронтам и армиям о создании Военно-Революционных Комитетов.

9. Взятие Гатчины войсками Керенского. Движение казачьей дивизии и Донского корпуса под командованием Краснова и руководством Керенского на Петроград с целью ликвидировать большинство восстание.

— Начало Октябрьского переворота в Москве.

— Декрет о созыве Учредительного собрания.

ЗА СОВЕТЫ

10. Бои Красной гвардии у Красного Села и Гатчине.

— Взятие Красного Села Керенским.

— Декрет о печати.

— Разгром Киевского Совета Рабочих Депутатов юнкерами и казаками, взятие в плен Военно-Революционного Комитета.

11. Восстание юнкеров в Петрограде. Гражданская война в Москве.

— Захват Пулковы войсками Керенского.

— Всеобщая забастовка в Киеве. Ослаб арсенала.

— Власть Советов в Саратове.

ДНИ ПОБЕДЫ

12. Ультиматум «Визжека» (Верховный жестьеморозный исполнительный комитет) Керенскому об образовании социалистического министерства.

— Декрет о 8-часовом рабочем дне.

— В Смоленске и Харькове Советов.

— Разгром Краснова. Шарское Село занято войсками Советов.

13. Во Владимире, Кострине, Самаре и Минске власть перешла в руки Советов.

— Победа повстанцев в Юске.

14. Арест штаба Краснова в Гатчине. Бегство Керенского. Верховным главнокомандующим назначен Духонин.

— Декрет о волостях земельных комитетов.

— Захват казаками Донецкого бассейна.

— Ожесточенная борьба за Кремль в Москве.

15. Декларация прав народов.

— Ликвидация восстания юнкеров в Москве.

— Победа Красной гвардии в Москве.

19. Роспуск Московской городской думы.

МИР БЕЗ АННЕКСИИ И КОНТРИБУЦИЙ

20. Предложение Совнаркомом главнокомандующему ген. Духонину вступить в переговоры с Германией.

— По Выборгом начались бои между белой и Красной финской армией.

— Соглашение с левыми эсерами о формировании правительства.

— Предложение Совнаркомом всем воюющим государствам начать переговоры о мире на основах самоопределения народов, отказа от аннексий и контрибуций.

22. Началось опубликование тайных договоров.

— Отказ генерала Духонина открыть мирные переговоры с Германией.

— Назначение главнокомандующим тов. Крыленко.

— Приказ полкам избрать уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем.

— Совет рабочих Латвии постановил взять власть в свои руки.

24. чрезвычайный съезд крестьянских депутатов.

— Приказ об аресте членов контр-революционного комитета спасения родины и революции.

— Отказ ген. Духонина сдать должность.

— Похороны жертв восстания в Москве на Красной площади.

24. Начало выборов в Учредительное собрание.

— Муниципализация мелкой торговли.

ПЕРВЫЙ ЦИКЛ

25. Декрет об уничтожении сословий и чинов.

26. Высказание уполномоченных для переговоров с германским командованием о немедленном перемирии.

27. Объявление ставки главнокомандующим Духониным контр-революционной; создание новой ставки в Движение. Захват большевиками штаба западного фронта.

— Германия согласилась на перемирие.

28. Объявление Советов Рабочих и Солдатских Депутатов с Советами Крестьянских Депутатов. Создание единого ВЦИК.

29. Ликвидация восстания юнкеров и переход власти к Советам в Москве.

— Опубликование декларации прав народов России, утвержденной 2-м съездом Советов.

СОДЕРЖАНИЕ: **И. РУДНЕВ-РАЗИН** — Октябрь в госпитале. — **А. ЯКОВЛЕВ** — Акимка. **ДЖОНС** — С того берега. — **С. СИБИРЯКОВ** — «Капитан Маркса». Ленин 25 Октября. **А. БЕЗЫМЕНСКИЙ** — Как побеждали в Октябре. — Рабочая молодежь в те дни. Вечер воспоминаний. — **В. СИБИРСКИЙ** — Своим умом дошел (Радио-поэма). — **Г. ЛЕЛЕВИЧ** — Рождение Октября. **В. ВЕНУКОВ** — Рабочие изобретатели. **Б. ГРМЗОВ** — Русские физкультурники за границей. — Научные кружки. — **С. МЕНЬ**. **П. П. ЛЕБЕДЕВ** — С чего начать. **С. СОТНИКОВ** — Круговая перелет. Хроника великих дней.

Готовится к печати книжка **В. КАСИМЕНКО**, «Задки комсомольской печати».

В скором времени выйдет в свет книжка **И. РУДНЕВА-РАЗИНА**, «Смерть комсомольца КАМИНСКОГО».

Издатель: «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ».

Редактор: РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

Г л а в н ы й а д р е с : 29404.

Тираж 25.000.

5-я типография «Вперед к цели» Н. К. Ц. С. «Продгартское Слово», Южный пер., 4.

В СЕДЬМУЮ ГОДОВЩИНУ ОКТЯБРЯ

Бюро ячеек РНП (б.) и РЛКСМ, ПРАВЛЕНИЕ
и МЕСТНОМ Центр. Сельско-Хозяйственного
Банка СССР

ШЛЕТ ГОРЯЧИЙ ПРИВЕТ

всей рабоче-крестьянской молодежи об'единенной
в рядах Росс. Ленинского Комм. Союза Молодежи.

В торжественный день
седьмой годовщины

ОКТАБРЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

ПРАВЛЕНИЕ

МОСКОВСКО-БЕЛОРУССКО-БАЛТИЙСКОЙ
ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

шлет пламенный привет

вождю
рабоче-крестьянской
молодежи

РОССИЙСКОМУ ЛЕНИНСКОМУ
КОММУНИСТИЧЕСКОМУ
СОЮЗУ МОЛОДЕЖИ.

ИЗДАТЕЛЬСТВОМ

Молодая Гвардия

ОТКРЫТ НОВЫЙ МАГАЗИН

ПИОНЕР

МОСКВА, Тверская ул. 37.

В С Е

— для — для —
ПИОНЕРОВ ОКТЯБРЯТ.

БАРАБАНЫ, ГОРНЫ, СВИСТКИ, ПИОНЕРСКИЕ
КОСТЮМЫ и ГАЛУСТУКИ, СПОРТИВНЫЕ
ПРИНАДЛЕЖНОСТИ, КНИГИ, ЗНАЧКИ
ПИОНЕРСКИЕ, КАНЦЕЛЯРСКИЕ
ПРИНАДЛЕЖНОСТИ, ИГРЫ,
ИГРУШКИ.

Издательство ЦКРЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ

на двухнедельный журнал рабочей молодежи

на 1925 год. „СМЕНА“ на 1925 год.

Розничная цена экземпляра 30 коп.

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ:

На 12 месяцев 24 номера	5 р. 60 к.		На 3 месяца 6 номеров	1 р. 55 к.
„ 6 „ 12 „	2 „ 95 „		„ 1 „ 2 номера	— „ 60 „

При коллективной подписке ячейкам РКП РЛКСМ, школам ФЗУ, клубам, библиотекам, пионерским отрядам и пр. организациям скидка 10% в подписке.

Подписка принимается в Главной Конторе периодических изданий Издательства „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“.

Москва, Старая площадь, 10/4. Телефон 1-81-01 и во всех почтово-телеграфных конторах СССР.

Издательство „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“.

МОСКВА, Старая площадь, 10/4

НОВЫЕ КНИГИ О КИМ'е

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Вл. Мирошевский. Хрестоматия по истории международного юношеского движения (2-е дополненное издание).

Вечер КИМ'а в комсомольском клубе. Клубный сборник, составленный Политпросветом ЦК РЛКСМ. Бузьмин. КИМ (популярная брошюра для рабочего подростка).

Пять лет КИМ'а. Краткий конспект по истории КИМ'а под редакцией Политпросвета ЦК РЛКСМ.

Очередные задачи КИМ'а. Памятка комсомольского пропагандиста под ред. Политпросв. ЦК РЛКСМ.

Волков. Детское коммунистическое движение на Западе.

Н. Крупская. Семнадцатый год.

I конгресс КИМ'а. (Материалы о Берлинском конгрессе КИМ'а в 1919 г.).

Стенограмма IV конгресса КИМ'а.

Е. Герр. Что такое КИМ (популярная брошюра для крестьянской молодежи).

Комсомол в тюрьмах. Сборник, посвященный зарубежным комсомольцам—пленникам буржуазных правительств.

Джузеппе-Берти. Итальянский комсомол.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

О. Тарханов. История КИМ'а. Мутон и Матлин. Французский комсомол. Виган. Германск. комсомол.

Зказы направлять в Торговый Сектор Издательства „Молодая Гвардия“, Москва, Старая пл., 10/4. Тел. 39-96.

Центральное Государственное
Фото-Кино-предприятие Н.К.П. **ГОСКИНО**

МОСКВА, Гнезниковский пер., Телеф. 94-85, 2-20-29, 2-01-42.

КАРТИНЫ СОБСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

ВЫПУЩЕНЫ:

В Р А Г И.

Бытовая драма в 7-ми частях по сценарию ТАРИЧА.
и АЙЗИКОВИЧА. Постановка Ч. Г. САБИНСКОГО.
Оператор РЫЛЛО.

К И Н О - Г Л А З

(Первая серия).

Первое путешествие кино-глаза. Работа ГОСКИНО—
ячейки киноков под руководством ДЗИГИ ВЕРТОВА.
Оператор М. КАУФМАН.

Б л и ж а й ш и е в ы п у с к и:

ЛУЧ СМЕРТИ.

По сценарию ПУДОВ-
КИНА. Пост. А. В. КУ-
ЛЫШОВА. Операт. ЛЕ-
ВИЦКИЙ.

С Т А Ч К И.

Работа Коллектива Про-
леткульта. Режиссер ЭЙ-
ЗЕНШТЕЙН. Оператор
ТИССЕ.

ДОЛИНА СЛЕЗ.

(Алтайская легенда).
Постановка и фотографии
А. Е. РАЗУМНОГО.

**СУД НАД АНУШЕРНОЙ
ЗАЙЦЕВОЙ.**

(Аборт и его последствия).
Научно-художеств. карти-
на. По сценарию доктора
ГААКСИДА. Постановка и
фотография Г. М. АЕМ-
БЕРГА.

ГОНИМ ЗА САМОГОНКОЙ.

Кино-комедия по сценар-
ию РЕППИНА. Поста-
новка РООМА. Оператор
БАЮМ.

ВЫПУСК СИВГОСКИНО.

КРАСНЫЙ ГАЗ. Из эпохи борьбы с козачкоконной в Сибири и на Алтае. По сценарию ЗАУБУРИНА. Постановка КАЛАБУХИНА.
Оператор НАЛЕТНЫЙ.

Акционерное О-во

**ТОРГОВЛИ ХЛЕБНЫМИ
и ДРУГИМИ С.-Х. ПРОДУКТАМИ**

„ХЛЕБОПРОДУКТ“.

ПРАВЛЕНИЕ:

Москва, Б. Дмитровка, дом № 32-й.

Объединение Государственных Предприятий

„ГОСПРОМЦВЕТМЕТ“

по ДОБЫЧЕ и ОБРАБОТКЕ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ.

ПРАВЛЕНИЕ в МОСКВЕ:
Ильинка, Юшков пер., 4.

ОТДЕЛЕНИЯ:
в Москве, Ленинграде, Харькове,
Киеве, Ростове, н/Д. и Баку

ЗАВОДЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ ВЫРАБАТЫВАЮТ:

Разные изделия из меди, латуни, алюминия, цинка и других цветных металлов.
ЛИСТЫЯ, ПРУТЬЯ, ЛЕНТЫ, ТРУБЫ и др. ПОСУДУ МЕДНУЮ и АЛЮМИНЕВУЮ.
ПРИМУСА, САМОВАРЫ, ЛАМПЫ, ГОРЕЛКИ, КЕРОСИНОВЫЕ ПЕЧИ и КУХНИ.

Предметы электротехнического оборудования:

КАБЕЛИ, ШНУРЫ, ПРОВОДА, и АРМАТУРА к ним. СЕТКИ БРОНЗОВЫЕ, МЕД-
НЫЕ и ЛАТУННЫЕ для всех видов промышленности.

ИЗДЕЛИЯ ПРЕМИРОВАНЫ на В.-СЕЛЬСКО-ХОЗ. и ПРОМЫШЛЕННОЙ ВЫСТАВКЕ.

ЗНАЧКИ „КИМ“

в неограниченном количестве может получить каждая
организация РЛКСМ только

в базе изд-ва „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“.

Цены значков снижены:

1. Эмалевый—винтовой до 35 коп.
2. „ „ на булавке „ 30 „

Заказы высылаются наложенным платежом Торговым Сектором Изд-ва
МОСКВА, Старая пл., д. 10/4. Тел. 1-81-01.

ОБЪЯВЛЕНИЯ НЕ ВОШЕДШИЕ В НАСТОЯЩИЙ НОМЕР
БУДУТ ПОМЕЩЕНЫ В СЛЕДУЮЩЕМ.

**БУДЬ ГОТОВ
К СЕЗОНУ!**

СПОРТ. ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
ВСЕ ДЛЯ ОХОТЫ

и РЫБОЛОВСТВА.

АВТОМОБИЛИ: АВТО-ЧАСТИ, ШИНЫ, КАМЕРЫ.

ГРАНДИОЗНЫЙ ВЫБОР

СПОРТ — ШЕРСТЯ-
НЫЕ ПРИНАДЛЕЖ-
НОСТИ.

РУЖЬЯ, ДРОВЬ И ПОРОХ СУХОЙ.

ВСЕГДА ЦЕНЫ СИЛЬНО ПОНИЖЕНЫ.

НОВОСТИ!

МОДЕРН

**АВТОМОБИЛИ
ТРАКТОРЫ
МОТОЦИКЛЫ
ВЕЛОСИПЕДЫ
и ВСЕГО КИМ**

АВТОПРОМТОРГ

ПРАВИЛЕНИЕ: Москва, Петровка, 4.
Тел. 3-70-66.
МОСК. ОТД. ХВОЯТЫЙ РЯС, 14.
Тел.: (1-12-82), 2-42-20, 1-18-79.
ОТДЕЛЕНИЕ: Ленинград, Восточн.
Рынок и Д., Тифлис: СФМ; Астрахань,
Ворошило, Симбирск, Омск и др.

■ ГОСМЕДТОРГПРОМ ■

АПТЕЧНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ТОВАРЫ,

ПАРФЮМЕРИЯ
и **КОСМЕТИКА,**
ОПТИКА,
ЗУБОВРАЧЕБНЫЕ И ХИРУРГИЧЕСКИЕ
ПРЕДМЕТЫ.

ПОКУПАЙТЕ В НАШИХ МАГАЗИНАХ:

Кузнецкий мост, 16. Б. Грузинская № 49.
(Севная площадь).
Арбат, 18. Тверская, 38.
Смоленская ул., 2. Столеш. пер., 9/15.
Мясницкая, 32, ул. Сретенка, 38.
Гусепникова пер. Арбатская пл., 2.

■ А П Т Е Н А — Петровка, 19. ■
■ ЗУБОВРАЧЕБН. МАГАЗИН. ■
■ Петровка, 17. ■

■ ГОСМЕДТОРГПРОМ ■

КРАСНЫЙ

БОГАТЫЕ МАТЕМАТИЧЕСКИЕ И АСТРОНОМИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

НОВОСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ ХРОНИКА МИРОВОЙ ЖИЗНИ СПОРТ ЮМОР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ, ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ.

ВЫХОДИТ В ОКТЯБРЕ
ИЗДАНИЕ "ГУАКА"

ЖУРНАЛ

„ГОСРЫБСИНДИКАТ“

СОЮЗНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СИНДИКАТ РЫБНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Адрес: МОСКВА, Никольская, 4; телеф. 2-74-90;
1-00-88 и 1-22-00.

Телеграфный адрес: „РЫБСИНДИКАТ“.

ОТДЕЛЕНИЯ и КОНТОРЫ ИМЕЮТСЯ:

в МОСКВЕ, ХАРЬКОВЕ, КИЕВЕ,
РОСТОВЕ и/Д. НИЖНЕМ-НОВГОРОДЕ,
КАЗАНИ, ПЕРМИ, ВОРОНЕЖЕ, СМО-
ЛЕНСКЕ, ОРЛЕ, КУРСКЕ и друг.

ПРОДАЕТ:

КРАСНУЮ РЫБУ, МОРОЖЕННУЮ и СОЛЕННУЮ, ЧАСТИ-
НОВУЮ ВСЯКУЮ, СЕЛЬДЬ и ПУЗАНOK: ИНРУ и БАЛЫК,
ИЛЕЙ и ВЯЗИГУ, СУХИЕ и ПОПЧЕННЫЕ СОРТА; ЖИРЫ
ТЮЛЕНЕЙ и РЫБИЙ.

В. С. Н. Х. ♦ С. С. С. Р.

Орехово-Зуевский Госуд. Хлоп.-Бум. Трест.

ПРАВИЛЕНИЕ: Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. № 1/2.

Телефоны: Председателя Правления 1-14-10.

№ 1 в 10: 3-70-15.

Общая: 1-53-06.

ВЫРАБАТЫВАЕТ и ПРОДАЕТ.

ТКАНИ: бельевые, одежные, рубашечно-платяные и поваро-
лочные, гладкие, разных цветов и набивки. Пеленки-пелу-
бархаты и др. ворсовые толяры. Платки, полотенца, про-
стыни, одеяла и проч.
Пряжу швейную и чулочную. Нитки швейные на катуш-
ках разных №-ров. Вату.

МАГАЗИНЫ: 1) Огатовый—Черкасский пер., 9. Телеф. 1-04-26.
в Москве 2) Рознично—Кузнецкий мост, 4. 1-43-34.
3) Рознично—Ул. Зяблел, д. № 13 б. 4-94-22.
в Орехове 4) Огатово-Рознично—Ленинская улица.

ОБЪЕДИНЕННЫЙ КООПЕРАТИВ „КООПСАХ“

рабочих и служащих сахарной промышленности гор. Москвы

Ильинка, Юшков пер., дом № 6

Телефоны: управление делами 5-99-08.

предприятия 1-00-08.

ПРОИЗВОДИТ ПРОДАЖУ сахара-рафинада и сахара, как оптом,
так и в розницу **ВСЕМ ПОТРЕБИТЕЛЯМ** по ценам Сахаро-Треста.
ИМЕЕТ во всех районах города 12 оптово-розничных **БАКАРЕЙНО-**
НОЛОНАЛЬНО-ГАСТРОНОМИЧЕСКИХ МАГАЗИНОВ, отдельных
полки и ассортименты товаров в один **УНИВЕРСАЛЬНЫЙ** магазин.

АДРЕСА МАГАЗИНОВ:

Магаз. № 1 — ул. Герцена, д. 32/1.	Магаз. № 7 — 1-я Тверская-Ямская, д. 36.
№ 2 — Суздальский пер., д. 10/18.	№ 8 — ул. Петровская, в Марсе.
№ 3 — Суздальская ул., д. 14.	№ 9 — Калужская пл., д. 32.
№ 4 — В. рошнов. Поле, д. 20/22.	№ 10 — Тульская ул., д. 24.
№ 5 — Звеницкий пр-ект, д. 1/7.	№ 11 — Калужская ул., д. 2/8.
№ 6 — ул. Смоленского проезда и Семовой площади, д. 1/2.	№ 12 — Поваровские ворот, д. 17. Универсальный магазин — Марсовская, д. 10.

На всех рынках города имеются педупочные палатки, снабженные ассортиментом
товаров продуктов первой необходимости.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТРЕСТ ТОЧНОЙ МЕХАНИКИ

Кузнецкий мост, 16. 3-й этаж, телефон 2-23-83

**ГЕОДЕЗИЯ, ФИЗИКА, МЕДИЦИНА,
ОПТИКА, ХИМИЯ, БАКТЕРИОЛОГИЯ,
ЧАСЫ и ЧАСЫ-ХОДИКИ.**

МАГАЗИНЫ:

№ 1 б. ЛЕУБА, Третьяковский пр., 9, телефон 1-23-09.

ЧАСЫ СТЕННЫЕ, КАРМАННЫЕ, БРАСЛЕТОМ, БУДИЛЬНИКИ, ХОДИКИ, ЧАСОВАЯ
ФУРНИТУРА и ИНСТРУМЕНТЫ.

№ 2 б. П. БУРЕ, Кузнецкий Мост, 1, телефон 35-69.

ОЧКИ, ПЕНСНЭ, БИНОКЛИ, ЛОРНЕТЫ, ЧАСЫ СТЕННЫЕ, КАРМАННЫЕ, БРАСЛЕ-
ТОМ и БУДИЛЬНИКИ.

№ 3 б. ТРЫНДИНА, В. Лубянка, 13, телефон 4-83-08.

ГЕОДЕЗИЧЕСКИЕ, ФИЗИЧЕСКИЕ, МЕДИЦИНСКИЕ, ХИМИЧЕСКИЕ, МЕТЕОРОЛО-
ГИЧЕСКИЕ, ОПТИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ и АППАРАТЫ.

Акц. О-во

ОРГА-МЕТАЛЛ

Москва, Мясницкая 13, телеф. 3-01-91.

**ОБСЛЕДОВАНИЕ
и РЕОРГАНИЗАЦИЯ
ПРЕДПРИЯТИЙ
ТЯЖЕЛОЙ ИНДУСТРИИ.**

**РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ
СМАЗКА МЕХАНИЗМОВ**

**„ОРГА-СПРАВОЧНИК“
по вопросам заводских организаций.**

**„ОРГА-ИНФОРМАЦИЯ“
ЖЕМЕС. издание по учету контроля
и калькуляции.**

УПРАВЛЕНИЕ МОСКОВСКИМИ ГОСТИНИЦАМИ

Тел. 1-51-10 и 1-50-89

ВНОВЬ ОТРЕМОНТИРОВАНЫ ВСЕ
ГОСТИНИЦЫ.

ЗАНОВО ОБОРУДОВАНЫ МЕБЕЛЬЮ
и БЕЛЬЕМ.

ИМЕЮТСЯ столовые и парикмахерские.

ТЕПЛО,

СУХО,

ЧИСТО.

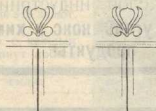
ЦЕНЫ ОБЩЕДОСТУПНЫЕ.

Адреса на перронах всех
московских и 18 крупных
провинциальных вокзалов.
Управление Московскими Гостиницами.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

„МОСПОЛИГРАФ“

МОСКВА, Кузнецкий Мост, 20. Телефон 46-34, 1-74-85.

В Д Л Я Ш К О Л, С Ч Е Р Ч Е Н И Я, Е Р И С О В А Н И Я.

Краски, палитры, тушь, миллиметровая бумага, кнопки, карандаши.
Разноцветные карандаши. ☉ Готовальни, угольники, резинки.

СОВСТЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО.
ЗАГРАНИЧНЫЕ ТОВАРЫ.

БУМАГА для печати, крашеная, ТЕТРАДИ, АЛЬБОМЫ.

Продажа оптом и в розницу. Допускается кредит.

ВСЕРОССИЙСКИЙ

МАХОРОЧНЫЙ СИНДИКАТ

ПРАВЛЕНИЕ:

МОСКВА, Ильинка, Юшков переулок, дом 6.

Телефоны	{	1-59-35,
		4-85-70,
		1-25-64,
		74-97.

ПРЕДЛАГАЕТ МАХОРКУ

из лучшего сырья, выработанную на Государственных махорочных фабриках РСФСР.

== ЗАКУПАЕТ ==

сырье табака махорки во всех Табаководных Районах Великороссии и Украины.

В состав синдиката входят следующие фабрики:

Ярославская.	Костромская.	Витебская.	Елецкая.
Саратовская.	Моршанская.	Рябенбургская.	Уманская.

За высокие качества изделий на Всесоюзной Сельскохозяйственной Выставке Фабрики получили дипломы 1, 2 и 3 степени.

ПРАВЛЕНИЕ

Моск.-Казанской ж. д.

ДОВОДИТ ДО ВСЕОБЩЕГО СВЕДЕНИЯ, Ч

что в настоящее время на железной дороге функционируют следующие городские станции:

В МОСКВЕ: 1) Ильинка, Рыбный пер., Старо-Гостинный Двор, №№ 52—54 тел. № 1-36-20 (для грузовых операций). 2) Мясницкая улица, д. 2/4 (для пассажирских операций, по продаже билетов и план-карт тел. № 4-87-51 и 3) Радницевская, д. 5—Таганское ота.

В КАЗАНИ: Вокзальная площадь, здание Московско-Казанской ж. д.

В УЛЬЯНОВСКЕ: Угол Гончаровской и Дирничной ул., д. 2/39.

В РЯЗАНИ: Ул. [Красной Армии, д. Чукова №1.

В Н.-НОВГОРОДЕ: Рождественская ул., д. № 16.

В САРАПУЛЕ: Красноармейская ул., угол Коммунальной мост. № 84.

Означенные городские станции производят предварительную продажу пассажирских билетов и плацкарт и грузовые операции по приему и отправлению по жел. дорогам багажа и грузов, хранению, страхованию и доставке грузов на склады получателей.

„ДУГАЗ“

Центр. Упр. Гос. Автомобильных Заводов. Москва, Мясницкая, 20; тел. 3-89-05.

ПРОИЗВОДСТВО

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ИЗ РУССК. МАТЕРИАЛОВ.

АВТОМОБИЛЕЙ

ГРУЗОВЫХ—РАЗН. ТОННАЖА И ЛЕГКОВЫХ.

Розничный магазин. Петровка, 15; тел. 1-86-17.

Автономная Индустриальная Колония

„КУЗБАСС“

6 Сибири-Кемерово объединяет 27 национальностей революционных рабочих,

прибывших в Сибирь для восстановления тяжелой индустрии СССР,

производит уголь кокс и химические продукты.

ВСПХ. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РСФСР.

ФАРФОРТРЕСТ

объединяет фарфоровые фабрики б. т-ва Кузнецова.

ПРАВЛЕНИЕ: Москва, Б.-Златоустинский пер., 2.

Телефоны: 2-17-05, 46-63, 1-42-31, 4 81-65.

Коммерческий отдел: тел. 46-03.

Отделения: в Москве, Солонка, 9, в Самаре, Кооперативная, 58 и в Твери.

Телеграфный адрес: „Фарфоротрест“.

Н. К. П.

Государственный Музыкальный Трест „МУЗПРЕД“

Москва, Кузнецкий пер., тел.: 2-05-70, 2-72-02.

БОЛЬШОЙ ВЫБОР

а) Реплей, включая лучших русских и зарубежных фирм легендарных и новых с расширенной платяжа до 18 месяцев.

б) Граммофонов и пластинок художественного и революционного репертуара с речами вождя Революции ЛЕНИНА, ТРОЦКОГО и др.

в) Мелких муз. инструментов (народных) и принадлежностей к ним.

ГОСУЧРЕЖДЕНИЯМ ЛЬГОТНЫЕ УСЛОВИЯ.

РЕДАКЦИЯ В КОНТРОЛЕ:

Москва, Старая Палаша, д. 10-4.
Тел. 1-89-13 и 1-81-01.Рисунки принимаются написанием на маши-
не или чистю от руки на одной стороне
листа.

СМЕНА

ДВУНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
РОССИЙСКОГО ЛЕНИНСКОГО КОМУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ.
И.з.д. «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ».ПОДПИСКАЯ ПЛАТА
на 1924 год.1 месяц..... 30 коп.
3 месяца..... 1 р. 35 коп.
Подписка принимается в контроле «Смена»
и во всех почтово-телеграфных конторах
СССР.

№ 17

7 НОЯБРЯ

1924 г.

ОКТАБРЬ В ГОСПИТАЛЕ.

И. РУДНЕВ-РАЗИН.

25 ОКТАБРЯ «граждане» России, чиновники, буржуазия и духовенство должны были, согласно календарному расписанию, праздновать святых Маркиана, Мардария и преподобного Аполлинария.

Миллионы человеческих рук, срывая в этот день скромный календарный лист «25 октября», не предполагали, что с него начинается новое в жизни всего человечества.

Зато это твердо знал Владимир Ильич. В это крепко верило племя большевиков.

САМОВЕ СЛОВО «Октябрь» стало знаменем. Октябрь — это победа. Октябрь — это молодость. Октябрь — это жизнь. Доподлинная, крепкая жизнь.

Октябрится наша молодая страна. Октябрится «октябренчиками и октябринами», — октябрится комсомольцами и комсомолками, пионерами, юнкорами, журналами, газетами...

Но журали ли миллионы, празднующие годовщину Октября, историю того, как семь лет назад рабочие и солдаты воровали неуклюжую замитингованную телушку «Расею». Сдвигали ее осенними ногами на новые ильические пути?

Пусть не все еще это знают. У нас в ут.

Важно то, что с каждым днем растут и крепнут побег Октября. Уходя глубоко корнями в советскую землю.

ШУМНО И ВЕСЕЛО празднуют Октябрь в комсомольских клубах.

Но кто видал, как владут Октябрь инвалиды? Люди, переживающие острую физическую боль, — когда казалось бы есть место одной лишь неразмыканной тоске?

Я видел.

Это было осенью 19 года. Шли бои на Юго-Восточном фронте за низовья Волги. Канун октября застал меня в небольшом уездном городишке Балаково, — в стенах военного госпиталя. Там лежала партия тяжело раненных в недавних боях, — ожидавших эвакуации в более глубокий тыл.

В большой палате, состоявшей из 23 коек, лежали раненые красноармейцы.

На маленьких столиках лежали Октябрьские подарки в виде нескольких конвертов и стихов «Демьяна Бедного». На лицах было ожидание. Отдельные стоны заглушались этим напряженным, упорным ожиданием. Ждали оратора. С забитыми ногами, контуженными головами, — они ждали оратора.

Оратор не пришел. Подив никого не прислал.

— Братишка, — обратился к соседу

стоящего на кровати с забитованными рукой и плечом молодого красноармейца с бледным лицом рабочего подростка. В отдельных местах белой марли виднелись пятна крови. Лицо болезненно подергивалось, — а у серых больших глаз в комочек собиравлись желтые складки лица.

Говорил не долго. Говорил о том, о чем говорят на всех красноармейских митингах. Твердо запомнилось то, как радостно блеснули глаза у всех, как внимательно слушали давно известные слова.

Из-под заскорюльных душ поднималась крепкая радость навстречу простым, небесным словам оратора о том, что

... — икнем буржуазному царству больше не бывать. Невтерпех эта лавочка стала рабочему и християнскому лабу.

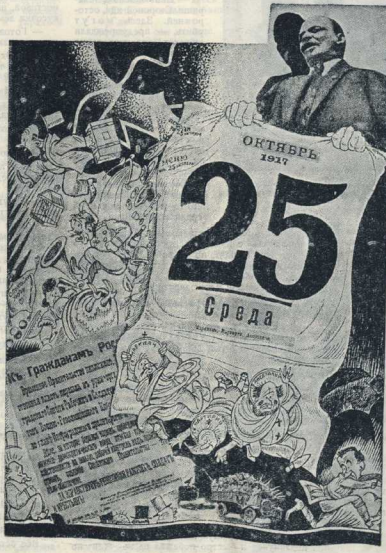
БЫЛО СКВЕРНО в Балаковском лазарете. Много ругались издерганные, больные и раненые красноармейцы. Но сейчас были далеки от всего. Впивались в слова говорившего.

Трудно было сразу осмыслить все то, что происходило вокруг: трибуна — койка, оратор — тяжело раненый красноаремец, судатеги — комья искромсанного человеческого мяса, переязанного сотнями аршия марлей. А над всем радость. Детская, хорошая, простая радость. Не привязанная марлей. Сияющая глубокая радость.

ПУСТЬ «ОКТАБРЬ» для наших врагов будет двойнею осенью, — пусть их гложет тоска.

Для нас Октябрь, — это радость.

Заражающая, сильная, невысказанная радость.

Непримиримый воинствующий большевизм — знамя грядущего мирового Октября!

бородач с рыжей, куластой головой, — надо бы маленько побалакать. Фронтные поди во-как разбирает. В пещенку... Сосед не успел ответить, как с одной койки справа сполз барактающийся в дрожь голод:

— Дозвольте мне, братва, за у всех высказаться. Я, контуженный только в плечо и руку, — потому в силах подняться до всего обчества.

Через несколько секунд я увидал

Взволнованный, он забрался на крыльцо Охотнойрядской часовни, чтобы отпустить подальше виденье...

КИМКА, слянув шапку на затылок, шел смеясь, с самым решительным видом. Когда проезжали автомашины с солдатами, он кричал «ура», срывая с головы свою обтрепанную шапку и отчаянно его махал. Тут подоспавший ресник, подхватив, вольнолюбивый, он будто бымы в толпе: так легко ему было идти.

И толпа, и улыбка, и эти крики «ура», и сам он—все это было таким новым, и все так изменилось к лучшему, что Акимке хотелось петь и смеяться от радости, хотелось сорвать винтовку и долот стрелять в воздух. Мимолетная встреча товарища Василием Петровичем на Страстной площади не оставила в его душе никакого следа. Только, когда он отошел далеко, то подумал:

— А ведь, он имамке скажет, что видел меня. На мгновение стало неприятно, но потом он махнул рукой.

— Э, все равно...
Вооруженные солдаты и рабочие собирались на Скобелевской у площади в доме генерал-губернатора—старом, желтом, со строгими поинженским фасадом. Здесь был главный революционный штаб. Часть солдат и рабочих с винтовками в руках пролезла в узкую дверь и залопатала чопорные комманды, чересерой массой толкаясь в белую зал и в широкую, с золотыми перлами, лестнице громко разговаривая.

Акимка впервые был в этом большом, прежнее такон таинственным, доме, где всегда жили только князья, графы и очень важные генералы. Он с восторгом удивлением смотрел на высокие лесные потолки, на зеркала во всю стену, на белые мазольные огромного зала и с гордостью думал:

— Новая земля...
И радовался, что теперь будет о чем рассказывать матеря.

¶ Нынче—Советской. В 6 доме генерал-губернатора, теперь—Моссовет.

А К И М К А.

А. ЯКОВЛЕВ, иллюстрации М. ЯГУЖИНСКОГО.

Высокий человек в тельном пальто с бархатным воротничком, но без шляпки, с длинными волосами, расстрепанными и повисшими, как темная куцуда, появившись на стул, изрыжисто кричал тенором:

— Тише, тише, товарищи...

В толпе шепели и, когда шум смолк, волосатый человек сказал:

— Нуже аэсон в Камергерском переулке. Товарищи, идите гула...

Рабочие заволавоались. — На Камергерский, товарищи. Из Охотного наступают юнкера. Держись...

— Стрельба в конце Тверской теперь велась беспорядочно.

— По соседству с домом генерал-губернаторы стояли солдаты.

— Целью, целью, товарищи. Стреловой ид, осторожнее. Здесь ую отгул убит, — предупредили она тех, кто шел выше по Тверской.

У Акимки судорожно забилось сердце и сплело в груди. Он крепко, обемни руками вцепился в винтовку, каждую минуту готовый выстрелить, и шел за другими, приселая и останавливаясь, как все, бессознательно подражая им в движениях и даже малейше итти.

Выстрелы гремели уже совсем близко. Моментами что-то шелкало в камени среди мостовой.

...Рабочие были все незнакомые. Акимке хотелось поговорить с ними, растеряться, как и что здесь, где враги следят, но он робел. Желание выстрелить из винтовки захватило его и особой силой. Однако, здесь никто не стрелял, а один стрелял Акимка не решался: вруг азругаут.

— А отсюда стрелять нельзя?—спросил, наконец, Акимка у солдата.

— В кого же ты тут будешь стрелять. Тут не в кого. Иди вон на тот угол,—угодно отведи высокого солдата в серой шапке, гаубко надвинувшей на уши.

— А опасно итти туда?
— Ты попробуй,—криво эмухмизнись, посоветовав солдат, а потом, помолчав, вруг сказал: — Ада ка, товарищи, вместе. Я вперед, в ты за мной. Вместо вессла, а здесь, только бемка, только стрелить будут, брынакш на землю.

У Акимки забилось сердце и по спине побежали мурашки, но он храбро ответил:

— Что-ж, идем.

— Эря вы идете туда, леснико сказал кто-то позади.

— Ну, вот еще, скажет тоже,—сердито отозвался солдат.—Идем.

Он гаубко надвинул шапку, направи винтовку, поддувшись и быстро победил: доло стел по тротуару, низко пригнулся на бегу. Акимка побегал за ним. Один дом пробежал, другой. Где-то шелкнул выстрел, и окно над головой солдата печально звинкуло. Солдат прыжками бросился к крыльцу итти, а здесь, только бемка, только подвинувшей пружинки, метнулся за солдатом и присел рядом с ним. Солдат тяжело дышал.

— Откуда это?—тревожно спросил Акимка.

— Кто откуда?

— Стреляют-то?

— А чорт их знает. Должно, откуда-нибудь с крыши.

— А, ведь, могут убит, —испуганно сказал Акимка.

Солдат мелком шагнул на право, и в этот момент Акимка заметил, что солдат дрожит, как и онеме, или поделене, а глаза страшно расширились и повисели. Стало жутко. Едва разжимая челюсти, солдат сказал:

— Убит, конечно, могут. Это уж, как итти. Того и гаиди.

Оба, крепко прижавшись к камням крыльца, сидели минут пять.

Между тем, стрельба стихла. Не стреляли даже в Охотном. Солдат поднялся на ноги и осторожно начал осматривать крыльцо домов, а потом прыжком, словно его кто разнул, нырнул из-за крыльца и побежал направо уразу на тот угол, где стояли рабочие. Акимка, не помня себя, не сознавая, что делает, победил тоже. Откуда-то сверху нервно и беспрерывно затрещали выстрелы. «Вкруг зашелкало», — сказал, бежавши вперед, невольно споткнулся и грохнулся на мостовую. Винтовка с жадными ардежанном упала на камни. Акимка успел заметить, что солдат крепко ударился головой о камни. Его серая шапка отлетела далеко вперед.

— А... Скорей, скорей! — крикнул в угул.

Акимка пробежал уразу, спрыгнул за угол в толпу и уже только тогда оглянулся. Солдат бежал все там же, где урал, а кругом него, по камням мостовой, шедыми нузи и подсканками зареда кусочка ямны, подыались ити.

— Готов, убили,—отрывисто говорили солдаты, стоявшие за углом.—Нужо было лезть чертам...

— Эх, кровно-то сколько,—сказал сумрачно рабочий в темной, сильно потертой кожаной куртке и с рыжими теплыми шарфом на шею.

— А откуда это были?

— Должно, с крыши, с гостиницы. Там их тыма засекла.

— А може, от Воскресенских ворот?

— Нет, это с крыши,—подтвердил Акимка.— Я видел, когда бежал солдат: с крыши.

Все с любовностью посмотрел на него. Паренюк ведь слауэно не ажит рядом с мертвым солдатом.

— Бу-ух,—вруг ахулу за домани и сразу резко свистнул где-то около.

Акимка присел от неожиданности. Он увидел, как обвалился, будто несущаяся на мостовую, угол красного дома. Солдаты и рабочие, а всед за ними и Акимка, кучей бросились бежать от угла по тротуару, не подумав, что случится. Но потом закричавшись, остановившись, обню оуло.

— Из пушек бьют,—крикнули противоположного угла.—Держись, товарищи!

— Бу-ух,—опять ахулу выстрел.

Солдаты, стоявшие рядом, закричали

— Наступают! Идут!

И бросились убегать по переулку. Акимка бежал последним. Едва он повернулся и увидел, что все, стояя кругом, бегут, как острый стрел мурашки, как итти, итти, итти. Выстрелы молчала. Молчала слона резкими пушными и, казалось, вот-вот кто-то подскочит сзади, выстрелит, убьет.

Акимка втнула голову в плечи, бежал, согнувшись, бессознательно, стараясь перестать видеть, чтобы, тот, другой, был последним, и в он, Акимка, чтобы не в него, а в другого, впаля ула... Так он забегал вследа за другими в маной-то проехавшей двор, и ввлек чью-то искаженное лицо с кричащими гни и вытвальной наперсы.

— Стой. Вонка, чорт вас, Назар! Убью!

Акимка оторвался. Прямо на него бежал матрос.

— Назар!

Все остановившись ошоумленно.

Хрипло гугаеся, матросе бросил нама по двору в переулке у адыше в угул Тверской, Акимка азгорелся. Ему в миг стало стыдно, что они убегают от каких-то юнкеров и студентов. Он победил вследа за матросом. Он несся горев от возбуждения, вабугу зарыва винтовку, дрожа, как, что шелканя зубы. Он хотел пергнать матроса, но тот бежал быстрее, делая почти сказанные прыжки. Вот матрос добрался до угла, прыжком выскочил в переулок и, стоя ошумев, и стоя ошумев, выстрелял. Акимка победжал к матросу. На угул Охотного ряда и Тверской совсем недалеко металась испуганная люди. Акимка покинула

винтовку к плечу и выстрелил. Улыбн, плаehend и все вали в момент обезумело. Не было видно никого. А матрос и Акимка стреляли торопливо, не слыша, ничего не слушая. Вдруг явруг закакали и уронили винтовку. Акимка испустило попорот на него. Тот захлебывался, широко открыл рот и грим лова воздуха, а потом, сдсан два шага к угу, упал на трупеш шейкой в грязь и судорожно задрожал. Акимка отскочил за угол.

Убий! И этого убийцу—резко закричал он солдатам и рабочим, бежашим к нему по переулку—Убийца!

Те радостно остановились, переглядываясь.

Идет сюда,—звал Акимка.—Убийца его!

—Все стоиманис на самом угу, хмурились. Матрос лежал на боку, лицом к переулку, бесцельно разбросав ноги и руки. И тут только Акимка успел рассмотреть его. Молодой, с маленькими черными усами, волосы сморобно. Из открытого рта текла струйка темной крови; виднелся язык, покрытые пупырчатой красной слизью; и рот казался страшным, до смерти пугающим. Глаза были полуоткрыты, а в них виднелся не выходящиеся сасы. И все лицо было напружено: словно матрос хотел вздохнуть полной грудью:

—Ох-о-х...
—И кто...
—Вот что делают буржуи проклятые,—любоб бросил рабочий.

Другой подхватил:

—Лущить всех поаряд яно.

—Вот и все! Посереда, изданысь. Только Акимка смотрел на все беззаботно, с удивлением.

—Варуг в тишине ую побоямо глухое шипение и шар.

—Стой, ребята, какникс, автомобиль,—встреленно крикнул солдат и, взяв винтовку на перевес, опесвило подошел к самому угу и украдкой выгнулся туда, к Охотному.

Все стали прислушиваться. Шум становился ясе.

—Верно, автомобиль. А ну-ка поглядим...
И все сразу оживились, сгрудились на самом угу, приподняв винтовки.

Изда угла Охотного вышел грузовой автомобиль, на котором, стоя и сидя, ехали вооруженные люди в синих и серых шинелях. Винтовки беспорочно торчали во все стороны. Получая взамен: винтовки, головы, руки, синие и серые сасы—точно цветы. Он пошел к другому угу, хотел скрыться.

Акимка, рабочие и солдаты торопливо, наседая одна на другую, присналялись, залпом выстрелили в него. Автомобиль дернулся и остановился; из машины брызнула белая струя, на нем судорожно замялись люди.

—А-а-а... торжественно заревав человеческий голос радом с Акимкой.

Акимка видел, как триа люди влубились плавали на мостовую, на лно автомобиля, судорожно метались, стараясь прыгнуть за колеса и за борта; видел, как летели шипы, отбитые от деревянных бортов автомобиля, и остра неспытанная радость душила его.

—Бей их! Лупи!—орали здесь, окаяны.

—Бей!—орал Акимка, уже не совалява и нечувствуя себя, и стрелял без передышки, едва успевая перезарядить.

—Проща, может быть, минута, автомобиль спеша разбитый, и никто уже не шевелился ни на нем, ни около него.

С любобством смотрели на автомобиль...
—Трещит!
Это на дальнем угу выстрелили. И сразу на всех лицах мелькнуло упорство и напряженность. Все торопливо зашевелили авторами, загнившись угугу подошел солдат с черной острой бордой. Он сказал орнесто:

—Сейчас наступление, товарищи, готовясь.

—Наступление,—повторил по себе Акимка,—наступление...

—Пот дождичел и него жарокало. Он зарекал тудал-сюда, искал места, где бы встать, так как думал, что в наступление обязательно итти рядами.

Налия обидеть авораки. Как начнется стрельба...

Солдат не договорил: там, на угу, сразу заикался стрелбав. Солдат метнулся, крикнул: «за мной!», не оглаживаясь, победил трогуром к Охотному. Акимка заревав, уруг и за ним. И враг переглянул. Один вперед всех, слома голову, бежал, а в остеру ему несась горячче—может быть, воздух, может быть, пули,—и ветер вливал в ушах.

Остановился он только на угу, у красного дала, и видел, как вши по Молодой бежали синие и серые шинели, и триа раза успел выстрелить им в спина. Взаимоунынный и торжествующий, он вобрался на крыльцо охотничьей гостиной, чтобы оттуда луччче и подажнее видеть. Сидящий рад. Тетрафранныя площадь и улицы—все было пусто. Иза-за лавочек начали выползать люди—больше

малышних в темной маске заполонили на угу. Они с любобством, точно на анкином, смотрели на солдат и рабочих, рассматривали расстрелянный и зайный кровью автомобиль, стоявший на перекрестке. Малышники отбранили шепки от бортов, собирали гильзы патронов. Потом толпа смешалась с вооруженными солдатами и рабочими. Три малышугала, лет по десяти, остановились перед Акимкой и с завистью смотрели на него.

—Дей паразиты!—воропил один.

Акимка жестоко оскорблял такую просьбу.

—Уйди,—грозно крикнул он на малышугана и, прислонившись к камешному парапету часовни и держа винтовку на перевес, решительно и сдергито закрыл глаза.

Частьные рабочие, расхолоди. Стрелять буду.

И выстрели вверх.

Толпа парализовалась. Даже солдаты и рабочие, что с винтовками, другудли и метнулись.

—Расходись, расходись,—раздались тревожные крики.

В одну минуту, словно кто смел толпу. Было около, как перенугенные люди метнулись жимаду лавкам, прыжком. Солдаты и рабочие ступались около угла «Национальной» гостиницы. Акимка один остался на крыльце часовни. Кругом никого. Свои вои на угу, за разбитым автомобилем. Он вдруг сдергнул завесу, чтобы взглянуть, что здесь-то он один. Стало страшно. Казалось, из-за часовни выскочит кто-то яно и убьет. Под шапкой у него шевельнулось волосы. Победлен, он соскочил с крыльца на переулку, мимо автомобиля, бросился к угу, к рабочим. По дороге споткнулся. Это еще больше уснаило его страх.

—Держись!—смысь крикнули на угу.

—Кажис, сами себе наугали,—сказал четовенный мальчик, идясь никого нет.

—Есть,—отозвался Акимка.

—Где?

Акимка и сам не знал, где враги, но махнул рукой угуг Муховой.

—Там.

Он чувствовал, как тревога явруг захватила его. Почему-то опят захотелось бросить винтовку и поскорее уйти домой, на Пресню, и теперь это чувство было настолько устойчиво.

Стало тоскливо, холодно, и по телу забегали мурашки.

Варуг где-то близко, за углом, разный выстрел. Рабочие и солдаты шархулялись к стене. Акимка метнулся испуганно за пенку, стараясь не испугаться и не испугаться страха своего-никуда.

Угги бы отскол,—с тоской думал он.

Выстрелы и солдаты, рабочие и солдаты, стояние у стены, влозудугу свободнее, зашевелились.

Чтобы поаборить себя, Акимка поднула винтовку и выстрелила вверх. Потом еще. За ним стали стрелять солдаты. Стрелили и около соседних домов, в крыши, где, казалось, заныл невидимый враг. И стрелял, еще опит выстрели на угу, поперекрестку.

Акимка забрался на старое место, на крыльце часовни, и оттуда стрелял в заледеневший двор, в пыльная мебель. Выстрелы немного успокоили его, поаборили. Он с вильдженным разбегом пузали все фонари у крыльца гостиницы, сделанные из матового резного стекла, рабидя граффити, вставив в стоем, как автор, перед оком.

Потом стрельба стала совсем прекратилась. Стало покоево. Но чувство воопределенной тоски не оставало Акимку. Он звал серагом, что опасность тудал-здесь близко, радом. Но не? Стрельбавица все время где-то окожо

университета и у Кремля. Ни юнкеров, ни студентов не было видно.

Но Акимка, бесцельно оглаживаясь, все искал, откуда опасность, и не мог найти.

—Идут юнкера,—варуг резко крикнул из-за часовни детский голос.

И в тот же момент кругом часовни и на улице грянули частые выстрелы. Толпа земля, замелася. Малышники падали на землю, бежали, на четвереньках ползли и лезли. Дрожа всем телом, Акимка попытался присесть, пробраться к угу.

Тверской, но едва выбежал из-за часовни, как попал под выстрелы. Он увидел, что из ворот соседних домов полионично и группами бегут юнкера и студенты с винтовками на перевес и что на всех соседних крыльцах виднелся фигур триа людей с винтовками. Акимка показало, что все, кто засел на крыльце, целит прямо в него. Он метнулся назад, на крыльце часовни, под защиту стены.

На бегу кликсы и студенты в угор стреляли в солдат и рабочих. У самого угу часовни, на грявнях, покрытых осенней слякотью плитат трогуров, уже лежало несколько человек, судорожно корчавшихся и кричавших. А радом с нимиалялись брошенные винтовки. Нескормо солдат понтоу прижались к стенам часовни и стреляли в юнкера. А те целюю бежали прямо на них. Вот они выскочили на самое крыльце, где судорожно выскочили солдаты. Акимка, бугго в поаудре, видел, как юнкера штыками с размаха тыкали солдат, а те дико вили и хрипели и ржками пытались ловить штыки, или сами стреляли в рукопашном на расстоянии двух шагов.

Завья, что можно стрелять и сопротивляться. Акимка прижались к стене и крепко уперся в холодные камени, словно хотел завестись в них. Широкий от удара ладьями он смотрел на юнкеров, которые около него расстреливали метущелся солдат и рабочих, и ждал, замерев. Два юнкера побегали совсем близко. Один на бегу вскинул винтовку и прицелился в голову Акимки. Акимка ясно увидел его темные, круглые глаза: Блеснула яркой оги. Но выстрела Акимка не услышал. Уронил винтовку, он никак уюла на камешные плиты часовни.

Но выстрела Акимка не услышал.

С ТОЙ СТОРОНЫ.

ДЖОНС, иллюстрации С. ЯГУЖИНСКОГО.

Печатаемый нами рассказ молодого английского писателя той. Джонса представляет большой интерес. В нем дано художественное отображение основного политического момента, без наличия которого, никогда не могла бы произойти Октябрьская революция. Это был тихий, критический союз рабочих и крестьян, перебранных в солдатские шинели. О необходимости этого союза для окончательной победы над буржуазией в течение многих лет говорил Владимир Ильич. Как это осуществлялось в дни Октября,—ярко показывает рассказ той. Джонса.

I.

ГОРОДОК делился на две части рекой. Река несудоходная, но в городской полосе глубокая, и для перехода через нее мост деревянный сооружен.

На той стороне реки, где берег был высоким, гористым и крутыми обрывами сбегал к реке, лежал собственно городок. На другой стороне—низменной и болотистой, сотнями серых деревянных домовшек раскинулась рабочая слободка.

Слободка граничила с двумя заводами: сахарным и водочным, и все ее жители то или иное отношение к этим заводам имели.

Отношение это выразилось в двенадцатичасовом рабочем дне, удручающих штрафах и пьяной гульбе по воскресеньям.

Городок тоже имел отношение к водочному и сахарному, и отношение городка к ним выразилось в сущем ничтоге, неделах и пьяной гульбе все семь дней в неделю.

Итак, городок на одном берегу, слободка на другом. Между городком и слободкой—река. За слободкой, за ее заводами был еще городок, который называли военным.

Там высилась громадой кирпичных стен центральная казарма, а вокруг нее серыми полосами разбегались низкие приземистые бараки.

Бараки эти стояли на самом болоте, гнили и пахли сыростью. Солдаты в них умирали, как мухи; офицеры, живя в городке, приезжали только на занятия.

И те и другие ругали инженеров, не догадавшихся устроить казармы на другом, городском, высоком и сухом берегу.

Инженеры, строившие военный городок, давно уже умерли от кутежей и разврата на деньги, награбленные при постройке. Будь они живы, то рассказали

бы кое-что о причинах, заставивших выбрать для городка именно это, а не другое место.

Они могли бы рассказать о губернаторе, который сам размечал постройки на плане, они могли бы сообщить, что из центрального здания и из военной церкви возможен прекрасный обстрел ворот обоих заводов...

А, впрочем, зачем бы они стали все это рассказывать? Военные тайны разглашению не подлежат.

Со дня постройки казарм прошло много лет. Об удобствах обстрела ни разу вспомнить не приходилось—даже в 1905 году дело обошлось сравнительно мирно—и городок, и слободка, и казармы равно не понимали, на какого дьявола запрятали солдат в болото и кому понадобилось заставить господ офицеров три версты на службу кисель хлебать?

Но вопрос о переводе военного городка на гористую сторону как-то не поднимался. То ли по дню, то ли по безнадельности добиться какихнибудь результатов, то ли по военной привычке молчать и не рассуждать.

II.

В ФЕВРАЛЕ семнадцатого года заговорили об этом впервые.

На многочисленных митингах требовали солдаты: убрать их с болота и перебраться на сухой гористый берег.

Вопрос провели по всем инстанциям, поставили на повестку дня в исполком и решили бы, наверняка, в пользу, перевода, если бы...

Дело было вот как.

Вечером накануне того дня, когда вопрос о переводе казарм должен был быть подвергнут обсуждению, в городок приехал человек из центра.

Человек этот именовал себя комиссаром временного правительства, действовал быстро, напористо, много и красиво говорил.

Когда по приеме дел он ознакомился с постановкой вопроса о казармах, то сесь побогрел от злости.

— Секретарь!

Секретарь выслушал довольно странное распоряжение. Ему приказали срочно и совершенно секретно к часу ночи созвать господ офицеров гарнизона и военного городка для обсуждения вопроса чрезвычайной важности.

К часу ночи посещение офицерского собрания было битком набито.

Комиссар временного правительства, разсевшись на стене огромный план города, сердито тыкал пальцем в то место, где линией ровных улиц лежала слободка и говорил.

Офицеры слушали, широко открыв глаза, и хлопали себя по лбу. Только теперь им ясно стало, почему казармы разметали свои серые ряды на топи болота, как раз за слободкой.

Комиссар был человеком военным и в его речи веками мыслей маячили слова тыл, фланг, район обстрела, защита подступов.

И еще Комиссар был человеком политиком. И от него впервые услышали офицеры о том, что заставило их с испугом всматриваться в лица соседей, и раскозилось по домам, нащупывать в карманах ружейки «наганов».

На следующий день утром, идя на занятия в казармы и проходя по серым от пыли улицам слободки, по новому разглядывали они окошки покосившихся домов, по иному путались глазами в морщинах лица ветреных рабочих.

Всегда обычная и совсем не страшная слободка стала сегодня таинственным гнездом грядущих восстаний. Чуть

Заседание исполнительного комитета было исключительно бурным...

чуть сгорбленные ее обитатели казались масками, под которыми скрывались те, о ком офицеры говорили друг другу шопотом и кого называли — «большевики».

III.

ЗАСЕДАНИЕ исполнительного комитета было исключительно бурным.

Представители солдат неожиданно столкнулись с изменой офицеров, которые отказались поддержать проект перемены.

Оставшись в меньшинстве, солдаты рассчитывали на поддержку рабочих, но тут приезжий комиссар ловким ходом смешал карты.

Почему вы настаиваете на переводе нас в город?

— Да там же страшное болото. Люди мрут, как мухи.

— Так. Ну, а рабочие слободки? Они живут в лучших условиях?

— Куда там, — представители рабочих только руками махнули.

— Так почему же солдаты требуют привилегий? Почему они не могут, а рабочие могут? Почему?

— В чем же дело? — делегаты солдат ухватились за соломинку. — В чем же дело? И рабочих тоже в город. И рабочих тоже прочь из болота.

— Не все сразу — комиссар спокойно улыбнулся — не все сразу. Рабочих сперва. Об этом мы думаем. Это мы должны решить. И когда будут переселены рабочие, тогда...

Представитель солдат встал.

— Итак, вы обещаете. Перевод нас стоит в зависимости от перевода рабочих.

— Да!

— Мы так и передадим в казармах. Солдаты только тогда выберутся из болота...

— Когда это сделают рабочие, — усмехнулся комиссар.

А представитель рабочих, как-то загадочно улыбаясь, сказал, обращаясь к солдатам:

— Рабочие позаботятся сделать это как можно раньше. Постарайтесь не отстать, товарищи.

IV.

ХОЛОДНЫЕ октябрьские дни легли над городком.

Там, на высоком берегу, осыпавшись листьями деревьев, устлая желтым ковром полосу бульвара.

Ветер налетал резкими порывами, подхватывая края этого ковра, вздымая их шуршащими тучами и бросал с обрыва в реку.

Над рекой по вечерам вставал туман.

Туман не достигал до верху обрывов, и городок висел над молочно-белым морем, застилавшим слободку.

Слободка и казармы тонули в болотных испарениях. Зябко жались друг к другу сырые домишки, дрожали нездоровой дрожью часовые у складов.

В такие вечера господа офицеры, пугливо озираясь по сторонам, возвращались с занятий. За каждым углом им чудился человек, вооруженный револьвером и бомбой, в каждом мальчишке, неожиданно появившемся в лохмотьях тумана, видели они врага.

Дула пулеметов заколебались, взяв прицел по невидимой цели...

Спешили офицерские ноги, путаясь в полах шинели. Звенели, задевая о каблуки сапог, шашки. Дрожали на рукоятках револьверов барские, намятикоренные пальцы.

Резким, холодящим страхом сжималось сердце, когда в гуще тумана у мутного фонарного пятна, дрожая в болотистом воздухе, поднималась песня:

Ов, яблочко,
Куда выключись?

В городе, где туман никогда не отступил и где фонари не пятнами, а полными кругами огня горели на улицах, росло волнение. Неустanno собирались, говорили, спорили и выносили резолюции.

Ходили по улицам с флагами и песнями, собирали митинги на площади у обрыва.

На митингах бесконечно нудно повторяли ораторы одну и ту же фразу и казалось, что городок, встав на цыпочки и вытянув шею, до хрипоты кричит в туманы слободки.

— Все для победы!

— Война до победы!

— До победы!

— Ы-и-и-и-и-и!!!

V.

И БЫЛО РАЗ ТАК, что крикнул городок в последний раз и словно поддался своим криком.

Было это по поводу того же переселения.

В сотый, кажется, раз упорные солдаты поставили вопрос о казармах. В сотый раз встал их представитель и взял слово. В сотый раз сказал:

— Поляк поручил мне спросить, когда приступят к переселению жителей слободки?

И в сотый раз человек, на подяжке которого злой бабочкой трепетал шелковый бат, ответил:

— После победы, товарищ. Сейчас — все для победы. Остальное — потом. Вы видите, что товарищи рабочие ждут. Ждите и вы.

И, до сих пор молчавший, взяв слово человек из слободки.

Взял и, словно узяв разрубая, взмахнул словами:

— Рабочие должны ждать не станут. Вопрос должен быть решен завтра же...

Вот тут-то и захлебнулся городок.

Кто-то ласково крутил пугавицу чужого френча, убеждая дорогого товарища; кто-то, неизменно актерствуя, говорил о благе свободной родины, кто-то именем революции закинал ждать и ждать.

VI.

ПЛАН БЫЛ выработан на диво.

На бульваре у обрыва расположились пелая сотня офицеров с пулеметами и бомбами.

Проделили все с вечера под покровом тумана и к ночи уже готовы были встретить огнем население слободки.

Другая сотня осталась в полку, убеждая, грозя, пытаясь использовать все преимущества воинской части в тылу рабочего района.

Крайне неопределенно было настроение солдат.

И определено было только то вечеру, когда дневные митинги кончались при свете факелов.

— Уведите нас из болота!

Гудели провода телефонов, в обход неслись вестовые и к двум ночи, сделав пятнадцать верст крюка, в казармы прибыл сам комиссар.

— Именем временного правительства, — читал он повышая голос. — Именем временного правительства...

И дальше о том, что перевод состоится, что солдаты могут выступить сегодня же, но...

Ему никто не поверил. Могла ли рабочая слободка протестовать против перевода казарм. Могла ли она отказаться пропустить солдат?

— Неправда!

— Попробуйте!

Они попробовали.

В тумане выстроились, в тумане держали равнение, в тумане шли.

А по мосту длинной лентой шла колонна...

А когда сквозь белую мглу мелькнули огни слободских домишек, дорожку идущих перерезал короткий залп и рокот пулемета, выликая свое:

— Стой-стой-стой-стой-стой-стой!

VII.

ГОРОДОК спал тревожно. За тяжелыми ставнями горела у икон лампады, и широкие кресла ложились на жирные плечи.

На бульваре, едва дыша, сотня офицеров лежала у пулеметов, сжимая в руках бомбы.

Было так просто:

Солдат натравить на рабочих. Десяток «своих» сделать это дело. Солдаты возьмут свободу в боек. Рабочие бросятся к мосту и через мост в город. А тогда...

Страшно падать в реку в туманную ночь!

Бульвар ждал накупивших дулами винтовок и пулеметов, а когда на том берегу послышался залп... — бульвар вздрогнул.

Дула пулеметов заколебались, взяв прицел по невидимой цели. Дула винтовок легли на дерево скамеек. Бомбы оплодотворились смертельными семенами капсюль.

Город был готов.

VIII.

ПЯТЬ ИЛИ ШЕСТЬ человек, шедших в передних рядах, упали и словно растаяли в тумане.

— Вот видите, как рабочие встречают вас. Вы...

Кто-то схватился за винтовку, кто-то бросился вперед, держа штык наперевес.

Казалось, что еще секунда — и казармы в кровавой схватке столкнутся со слободкой.

— Толпа всегда зверь — говорил на совещании по этому поводу комиссар. — Толпа всегда зверь.

Сегодня он имел счастье видеть, как этот зверь приготовился к прыжку, к тому прыжку, на который толкал его план комиссара.

Сейчас!

И вдруг.

— Товарищи!

Чей-то голос гремел сквозь шум.

— Товарищи! Мы не толпа! Мы не звери! Нельзя так. Это не рабочие. Это не могут быть рабочие. Спокойно, товарищи!

— Спокойно!

Слово приказом передалось из уст в уста, из ряда в ряд. Как одно огромное целое; полк остановился, напрягся тысячами человеческих нервов.

Толпа, дикая, готовая броситься бить и колоть, бесследно растаяла в тумане, и на ее месте стояло что-то новое, сильное волей, крепкое как железо и разумное, как человек.

Телефон на бульваре звенел тревожным звонком.

ТЕЛЕФОН НА БУЛЬВАРЕ звенел тревожным звонком.

— Да. Бульвар слушает. Да.

— Не удалось.

— Провокация раскрыта.

— Двигаются сюда.

— Да. Хорошо. Да.

Трубка повисла на зеленом шнуре ударившись о стенку телефонной будки. Тени забегали у пулеметов, затворы винтовок тревожно заговорили об опасности, и окутанный желтой пеленой листьев замер бульвар.

Туман разорвался с первыми лучами боляни.

Вынырнул, лежа деревянной грудью на сером грунте берегов, мост.

А по мосту длинной лентой шла колонна.

И видели люди с бульвара, что эта колонна была; как тело червя, разрезана на много, много полос.

И каждая первая полоса была серой солдатской, и каждая вторая пестрой от черных пиджаков, ярких рубах и красных платков женщин.

Нервно вздрагивал мост, спокойно двигалась колонна, и, в немом страхе бессильный спускить курок винтовки, застыл бульвар над ранами обрыва.

Всем.. Всем.. Всем..

в Октябре 1925 года „Смену“ будут слушать

по РАДИО

В один и тот же час, в одну и ту же минуту, десятки тысяч комсомольцев будут слушать

„РАДИО СМЕНУ“

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА „СМЕНУ“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1925 г.

На 24 номера (1 год)	5 р. 60 к.
12 „ (6 месяцев)	2 р. 95 к.
6 „ (3 месяца)	1 р. 55 к.
7 „ (1 месяц)	р. 60 к.

И несколько рук сразу спускают рвущиеся ремни. С горящими глазами следят за хоботом бесов...

КАПИТАЛ МАРКСА¹⁾.

Из тюремных воспоминаний СИБИРЯКОВА, иллюстрации Г. БЕРШАДСКОГО.

ОБЫЧНЫЙ тюремный день кончился.

Проверка прошла. Шелкнул замок. В пересыльной камере Бердичевской тюрьмы каждый занялся своим делом. Блатные ²⁾ завели игру в „стос“ и „бички“, остальные — кто чинил порванные брики, или пиджак, кто исправлял лапти или коты, несколько человек в одних кальсонах, сторбив худые, пятнистые от укусов со следами множества паранит от собственных ногтей, спяли, тщательно разворачивая швы рубаш и портянок, твоили суд и расправу над обнаруженным в засале неспригтем. Не шадли ни старых, ни малых... Стреском допалась гнезда гни... Кровь, выпитая огромными отгорклыми пузатыми вилами с брызгами раздегалась из-под прессов. Иногда, потехи ради, победители не сразу уходят, а помучают.

— Тимоха, поини пузастого, нушим на голки.

— Искать нечего, у меня все рысак.

— Давай, на пару спустим.

— Давай, ядрена-зелена, мой все равно обгонит, твои скелетные, чахоточные.

— Давай, кола, так, на пайку...

— Илет, я пайку, а ты мясную порцию.

— По рукам!

Тимоха согласен. Находятся еще охотники, желающие попытать счастья на бегах. Образуется форменный ипподром. Любителей держать мазу ³⁾ много; они подвигаются кольцом. Арияками подме-

тают пол, водой чертят круг, готовят к спуску строптивых бегунов, уже отобранных для азартного бега.

— Валяй, спускай!

— Вместе давай!

— Вира враз...

И несколько рук сразу спускают рвущиеся ремни. С горящими глазами, кто лежа на полу, кто на коленках, кто стоя, изогнувшись, следят за хоботом бегов, отмечают превосходство одного перед другим.

— Живей, живей, серко, — подбадривает один своего.

— Куда ты, стерва, морду ворочаешь, беги вперед.

Сердится Тимоха, направляя своего гнедого.

— Проиграешь порцию — раздавлю, как поганую тварь.

— Берет, берет!

— Ай да гнедко, обгонит.

— Типун тебе на язык, червяк начал, сверкает гневно хозяин серко.

— Нажимает, нажимает.

— Глады, как тварь претса изво всех сил.

— Чует носом наживу.

Еще немного и гнедко выигрывает. Тимоха любовно поднимает его и кладет за пазуху.

— Погуляй еще малость!

— Ешь мое тело, пей мое добро, заработал себе жисть...

— На племя его, пусть побегает в табуне.

Смеется шантрапа.

— Вот тебе, тварь этакая, за проигрыш, — ругается владелец „серго“.

— Пайку хлеба за тебя лишился, а тебе пропущу...

И, вскочив на ноги, сердито саломог топчет сперва своего серого, затем и прочую неудачливую скотину.

Игра блатных кончилась. Кто-то горото выставил под чистую. Завелся разговор, перешедший в спор... Я прислушиваюсь. Слово политика с злым сарказмом и с пелой вылетало из уст заркоренного уголовного типа по кличке „пан Зубицкий“, ярого противника тюремного равноправия политических.

— Из-за них бунты, тюрьмы позаничивают и нам, блатным, тяжело сидеть становится.

— Скоро на свободе от них, от аспидов, житья не будет...

Так доказывая наш противник Зубицкий, ползак, старый рецидивист ⁴⁾ и ты ремный „бог“.

— Это был голос сторонника аполитических. Новый тюремный тип престант-налетчика.

— Это ты, пан, все напрасно, люди как есть славные, не глупые, как мы с тобой, в петлю зря, как ты, не полезут. А что взаправду они тебе плохого сделали, что ты на них тырнешься? — поддерживает налетчика молодой дельный „скокарь“ ⁵⁾, пользующийся авторитетом в пересыльной.

— Да ты вор, скажи, пожалуйста, — как укаленный подскочил к нему Зубицкий.

— Ты вор, спрашиваю, али нет?

¹⁾ Рецидивист-преступник.

²⁾ Скокарь — ловкий парася.

¹⁾ В № 18 пойдет продолжение „Тюремных воспоминаний“.

²⁾ Блатной — вор.

³⁾ Держать мазу — рисковать в игре.

— Такой же блотный, как и ты. Меня все знают, спроси ребят и в колокола не звоню,—вызываешь гневно сверкнув глазами на пана и став в боевую позу, отвечал тот.

— Так как же, хер моржевый, ты за них мазу держишь. Ты разве не слышал, как они в Одессе устроили красную гвардию из Гоновских рабочих, да так и шарпала нашего брата, где поймают, тут и гамба. Сла-бода! На кой хер их свобода, когда нам, борам, воровать нельзя будет. Ты думаешь, когда будет ихнее царство, они тебе жить дадут? Изведут, черти, ей-богу. Веро, лопни твои шары, увидишь сам! Верно говору, шпана?—обратился пан за поддержкой к камере.

Конечно, конечно, ты всегда говоришь верно,—послышалось несколько голосов.

— А то еще вздумал нас, дураков, морочить, братство устрои и рай. У нас его и так хоть отбавляй. Разве рай на земле бывает? Попы кричат, рай на небе, политика свое—рай на земле. Кому поверить?

Под землей кричали бы—я еще поверил, потому что, верно, братство и рай, хоть чем хошь побойтай,—разошелся пан под восторг большинства слушателей.

— Да ты чему веришь, идол, ты сам себя за бога признаешь, а потому никому и не веришь. Тебе ничего не стоит родного отца за целковый зарезать,—зло выпалил ему в лицо налетчик.

— Душа с него вон и кишки в сторону, пусть не имеет денег, а если имеет, пусть мне их отдаст. На кой, хке... он меня родил нищим. Я бы знал, что так буду трепаться, так и не родился бы от него, через другой подпок пролез бы. То ли дело с какой-нибудь с купечской дочкой симпомпончиком меня в фиксовой рубашке принес бы шельмен. Уж я то налимонивал бы усы, не хуже других пририв.

— Тогда бы тебя все равно политика ухлопала, потому они идут супротив капитала и принципв разных,—заметил кто-то.

— Ну, брат, шалишь, я про них знаю такую хреновину, что они меня бояться должны. Знаю, как они против капитала идут!—Зубицкий как то особенно моргнув глазом и хлопнул себя по карману.

— Также, брат, не хуже нашего за сармаком ¹⁾ гонятся, норовят себе в карман побольше. Все знаю.—Пан сразу заинтересовал всех.

— Расскажи, пан, уж очень ты рассказываешь мастер,—послышались льстивые похвалы.

— Да что тайть-то, тут почти вся шатня своя, бог не выдаст, свинья не съест.

Пан посмотрел на налетчика. Обрадовался кружок. Зубицкий сел и все за ним друг к другу поближе. Таинственным голосом пан начал рассказывать.

— У них знаете, давно бы такой же, как они, политик—учителяшка, только страсть богатый, звал его Карла-Марла, так этот самый Карла-Марла, хота и шел супротив богатых, но свой капитал копия особаивый, на черной день. Скупой был старикашка, страсть, а как помер, говорит, оставил такой капитал, такой капитал...

Пан сделал совсем таинственное лицо и загорбисто изобразил руками.

— Такой капитал, что его, этот капитал, до сих пор, как я слышал, эта вся политика не может сосчитать, все разбирает, да разбирает, и наша политика тут замешана,—еще более понизил он голос.

На-дня я слышал на прогулке один из них патластый говорит другому: «Ну как, коллега, наш приятель Василь Василий поживает?». Он, grit тойму е в ответ, все с капиталом Карла-Марлы возится, разбирается, парень неглупый, добьется всего, коль наляжет». Иду вслед, слушаю дальше, что будет. «Ну и капитал, говорит он, нам бы надо урвать что-нибудь полезное, а то куда мы годимся без капитала, напрасная борьба».

— Эх, думаю, ребята, и вы за ум завлясь, за капитал, постой, еще не то будет. Вы из-за этого капитала еще порежете друг друга. А они дальше продолжают: «Надо будет собрать тесный кружок и приняться нам за капитал». Понимаете, урвать, приняться за капитал, тесный кружок...—Ну, я и отошел. Мне все стало ясно. И теперь я их не боюсь, они мне так сидят... Теперь захочу, долю потребую, потому они и стараются из кожи, а прямо в петлю лезут и все за этот самый капитал.

Все пританчившись жадно ловили его слова.

— И я в политику бы пошел, кабы мне капитал,—качнул головой пан.

— А нам так нельзя в политику записаться?—сверкая карими глазами, спросил курносый парень.

— Кабы можно было, я давно уж мечу, да в том то и дело, голубчик, что

— Знаю, как они против капитала идут...

к ним не попадешь, не принимают. Секрет, клад, ведь, закодированный. Должно, она к нему, а он от них воротится, не дается...

— И все то ты брешешь, пан,—не такие они люди, чтоб продажные. А те идут по совети, нашего брата, темного выручают хотя,—сказал налетчик.

— Чобы я так свободу видел,—каляся, словно задатый за живое, Зубицкий.

Противники Зубицкого не имели, что возразить. Я решил притти ни на помощь и рассеять легенду, выдуманную, быть может, самим Зубицким.

— Я тоже слышал про этот капитал, могу еще кое-что прибавить.

Головы и глаза слушателей кинулись на меня.

— Слышите, вот она моя и правда выплывает. Я зря трепать не люблю. Поближе подсаживайся,—мяслю улыбаясь, подовал Зубицкий.

— Расскажи, пусть эти холуи после этого попробуют защищать политику.

— Ничего, я и стоя скажу. Всем слышно будет. Это верно, что жил учитель и звал его не Карла-Марла а Карл Маркс. Он умер. Верно также то, что он оставил большое наследство.

— А что, не правда моя?—победоносно оглядывая всех пан.

— И правда также то, что этот капитал политические разбирают.

— Вот лафа, ребята,—крикнул завистливо курносый парень.

— Ценный клад, только вот одно неверно, что пан сказал.

— А что неверно?—раздалися голоса.

— Неверно, будто политики бояться, что другие о нем узнают. О нем можно и вслух говорить, к нему может каждый стремиться.

— Так и нам можно в долую? У нас есть «каситы». Мы его живим... Нам бы только моргнуть, где он лежит...

— Его, ребята, на всех хватит, на весь мир.

— Вот это капитал, вот это клад!

Рты широко раскрылись, шеи слушателей вытянулись, некоторые даже пристали. Настроение стало нервно-яичное. Я выдержал томительную для слушателей паузу.

— Только успевая его воспринимать, вынкай, перелыстай и перечитывай.

— Это что ж в нем, золото листовое, что-ли?—стараясь понять, спросил бородастый старик.

Капитал листовый, только листы не золотые, а бумажные, книжные. Ведт это скити такис, сочиения его Карла Маркса под заглавием «Капитал». Пан подслушал, видимо, разговор политикн, да не понял, в чем дело. Я сам читал эти книги...

На мгновенное полное разочарование и досада искривили лица слушателей, затем настроение изменилось. Все поняли, что пан ввел всех в заблуждение.

— Ай, да пан! Ну и пушкарь, здорово пушку отлил нам, а мы тебя слушали, уши распустили. Спасибо—парень учный наешься,—журился пан.

Пану нечем было крыть,—крепкоругнувшись, он, пристыженный, отошел.

¹⁾ Сармак—дурак, которого можно обмануть.

ПЛЕНИН В ДЕНЬ 25 ОКТЯБРЯ.

РАЗГОВОР ЛЕНИНА С ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ КРОНШТАДТА ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ.

ЛЕНИН: Можете ли вы говорить от имени областного комитета армии и флота?

— Конечно, могу.

ЛЕНИН: Можете ли вы немедленно двинуть к Петрограду большое число миноносцев и других вооруженных судов?

— Сейчас позволю председателю Центробалта (Центробалт—комитет, объединивший всех матросов Балтийского флота), так как дело чисто морского характера.

— Что у вас нового в Петрограде?

ЛЕНИН: Есть известия, что войска Керенского пошли и взяли Гатчину, и так как часть петроградских войск утомлена, то настоятельно необходимо самое быстрое и сильное подкрепление.

— И еще что?

ЛЕНИН: Вместо вопроса «есть что» я ожидал заявления о готовности двинуться и сражаться.

— Да это, кажется, повторять не надо, мы заявили о своем решении; следовательно, все будет сделано на деле.

ЛЕНИН: Имеются ли у вас запасы винтовок и пулеметов и в каком количестве?

— Здесь председатель военного отдела областного комитета тов. Михайлов. Он вам скажет об армии Финляндии.

РАЗГОВОР тов. МИХАЙЛОВА С ЛЕНИНЫМ.

— Сколько вам нужно штыков?

ЛЕНИН: Нам нужно максимум штыков, но только с людьми верными, готовыми сражаться. Сколько у вас таких людей?

— До пяти тысяч, можно выслать экстренно, которые будут сражаться.

ЛЕНИН: Через сколько часов можно ручаться, что они будут в Питере при наибольшей быстрой отправке?

— Максимум в 24 часа.

ЛЕНИН: Каким путем?

— Железной дорогой.

ЛЕНИН: А можете ли вы обеспечить их доставкой продовольствия?

— Да. Продовольствия много. Есть также пулеметов до 356. Можем выслать с прислугой без ущерба для здешнего положения и небольшое число полевых артиллерий.

ЛЕНИН: Я прошу настоятельно от имени правительства Республики немедленно приступить к такой отправке и прошу вас также ответить, знаете ли вы об образовании нового правительства, и как оно встречено Советами у вас?

— Пока только из газет. Власть, переданная в руки Советов, встречена с энтузиазмом (воодушевлением)...

ЛЕНИН: И так, значит, сухопутные войска будут немедленно двинуты и для них обеспечен подвоз продовольствия.

— Да. Сейчас же примемся за отправку и снабдим продовольствием. Здесь, у аппарата, товарищ председателя Центробалта, так как тов. Дыбенко выехал в Петроград сегодня в 10 часов вечера.

В ДНИ ОКТЯБРЬСКИХ БОЕВ.

... Разгар борьбы с Красновым за Питер. Докладываю Ильичу—ловко маневрируют казаки, артиллерия бьет метко, бронепоезд—стальная черепаха—кроет наши щели: держаться трудно—у нас нет орудий, бронепоезда.

Перебьивает:

— Разве так и нечего делать?

— Делаем. Артиллерию наспех готовим. Путиловцы сооружают бронепоезд. Должны вот-вот кончиться.

— Неужь ли поторопим?

— Давьше некуда.... Да можно лично убедиться...

— Поедем.

Совсем продолган подвезажь к Путиловке. Завод гудит, весь озарен.

Прошли в помещенье фабзавкома.

За столом с исклоченными воспламенными лицами несколько рабочих разбираются в чертежах. Без инженеров трудновато. Едва подняли головы и встретили. Улыбуились по хорошему своему Ильичу. И опять в чертежи. Некогда.

Расспрашиваем. Ответы короткие, дельные.

Обратной дорогой в Смольный молчит Ленин. Только на губах ходит осбая его улыбка.

Проверил. Прикоснулся к сердцу рабочих. Услышал мощное биение жизненной воли.

Спокоен—свое кровное дело творят пролетарии.

Знает—они доведут его до конца, несмотря ни на какие преграды, ни на какие потери, доведут свое дело до победного конца.

РАЗГОВОР ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ЦЕНТРОБАЛТА С ЛЕНИНЫМ.

ЛЕНИН: Сколько можете вы послать миноносцев и других вооруженных судов?

— Можно послать линейный корабль «Республику» и два миноносца.

ЛЕНИН: Будут ли они точно так же обеспечены продовольствием?

— Во флоте продовольствие есть, и они будут им снабжены. Все посланные миноносцы и линейный корабль, с уверенностью скажу, выполнят свое дело защиты революции. В посылке вооруженной силы не сомневаетесь. Будет выполнена беспрекословно.

ЛЕНИН: Через сколько часов?

— Максимум через восемьдесят часов. Встречается ли необходимость сейчас послать?

ЛЕНИН: Да. Правительство абсолютно (безусловно, вполне) убеждено в необходимости послать немедленно с тем, чтобы линейный корабль вошел в Морской канал как можно ближе к берегу.

— Так как линейный корабль представляется из себя крупное судно с двенадцатидюймовой артиллерией, то, поэтому, оно стая около берега не может, так как оно может быть захвачено голыми руками. А для выполнения этого служат миноносцы с мелкой артиллерией и пулеметами; что же касается линейного корабля, то он должен стоять, при-

лизительно, на рейде или рядом с крейсером «Аврора», так как его артиллерия стреляет на двадцать верст,—в общем это дело выполнит матросы с командным составом.

ЛЕНИН: Миноносцы должны войти в Неву около села Рыбацкого, чтобы защищать Николаевскую дорогу и все подступы к ней.

— Хорошо, все это будет выполнено. Что еще скажете?

ЛЕНИН: Есть ли радио-телеграф на «Республике» и может ли он сносятся с Питером во время пути?

— Не только на «Республике», но и на миноносцах, которые сносятся с Эйфелевой башней. В общем, заверяем, что будет все выполнено.

ЛЕНИН: И так, мы можем рассчитывать, что все названные суда двинутся немедленно?

— Да, можете. Сейчас будем отдавать срочные распоряжения, чтобы на званым судам быть в срок в Петроград.

ЛЕНИН: Есть ли у вас запасы винтовок с патронами? Посылайте как можно больше.

— Есть, но небольшое количество на судах; что есть—вышлем.

ЛЕНИН: До свидания. Привет.

— До свидания. Вы ли говорили? Скажите имя?

ЛЕНИН: ЛЕНИН.

— До свидания. Приступаем к исполнению.

РЕЧЬ т. ЛЕНИНА НА ЗАСЕДАНИИ ПЕТРОСОВЕТА ДНЕМ 25 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА.

...Товарищи. Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась.

Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего, значение этого переворота состоит в том, что у нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создают власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат, и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций.

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна, в своем конечном итоге, привести к победе социализма.

Одной из очередных задач наших является немедленная ликвидация войны. Но для того, чтобы оканчить эту войну, тесно связанную с нынешним капиталистическим строем, ясно всем, что для этого необходимо побороть самый капитал.

В этом деле нам поможет то всемирное рабочее движение, которое уже начинает развиваться в Италии, Англии и Германии.

Справедливый немедленный мир, предложенный нами международной демократии, повсюду найдет горячий отклик в международных пролетарских массах.

В России же мы должны сейчас заняться постройкой пролетарского социалистического государства.

Комсомольский поэт Александр Безименский.

СЕМЬ ЛЕТ НАЗАД.

СЕМЬ ЛЕТ... Всегда и снова в эти дни «вспоминанья теснятся толпой». Вновь оживают в памяти громовые Октябрьские дни, вновь переживаешь, проглядываешь тот, хотя бы маленький, угол событий, в котором и ты был. Эти отрывки — о них, великих, единственных, в истории человечества, днях...

ПРИБЫЛИ КАЗАКИ.

Я ТОГДА БЫЛ ЮНКЕРОМ 1-й Петергофской школы прапорщиков. Но я не обучался в ней, как юнкер, я работал в партии большевиков, представителем ее в Петергофском Исполкоме.

Прибыли казаки. Моментально заработала партийная машина. Уже через несколько дней садик около дома, где помещался комитет большевиков, был полон казаками. Первым делом надо было объяснить, что «большевики» — это не люди с рогами. В этом они убедились скоро.

Мы разбивали пришедших на кучки, часами толковали с ними, давали литературу.

Пачками начали приходить к нам казаки.

Вдруг — чисто, ни одного.

Оказалось, что, по приказу штаба, казаков перевели из Петергофа. Испугались большевиков...

ПЕРВАЯ ПОБЕДА.

ВСЕ ЭТО ВРЕМЯ я носился между Петергофом и Питером. В Питерском Совете шла отчаянная борьба.

Экстренное заседание Питерского Совета. Снова вопрос о правительстве. С невероятными трудностями пробрался в зал Смольного. Не пустили бы, но по-

мог где-то затерявшийся в кармане мой билет корреспондента от Нижегородской большевистской газеты «Интернационал».

В зале полно, хотя солдатская секция Петросвета почти целиком еще в окопах.

На трибуне Володарский.

— Пора сказать: долой коалицию! Немедля, передать землю крестьянам! Немедля, начать мирные переговоры...

Пробираюсь к трибуне на места печати, сквозь рев зала.

Меньшевики смеяют большевиков на трибуне; меньшевики смеются большевики. Большинство зала — за нас.

Вдруг где-то позади, возмнение. Все приближается. Вот мимо меня продралась стальная фигура с огромной шапкой волос — и замер.

Троцкий — только что из тюрьмы. С 5-го июля он в ней сидел, по милости Керенского.

Заявление — мимоходом. Снова основной вопрос о правительстве. Наконец, — помненное голосование. Бегаю, как ошалелый, от стола к столу.

И когда за столом с резолюцией меньшевиков не было никого, за столом большевиков был еще целый хвост.

Победили!

ЗАКРЕПИЛИ ПОБЕДУ.

ЧЕРЕЗ НЕКОЛЬКО ДНЕЙ меньшевики собрали еще заседание Петросвета. И — захотели отыграться.

Страшный бой загорелся снова. Сначала словесно, а поздно ночью приступили опать к помненному г. л. словосанию.

Я уже не бежал от стола к столу, а врвался в кучки спорящих, кричал, что-то агитировал, убеждал.

Вот идет подсчет голосов. По улыбающемуся лицу Караханова, сидящего за столом президиума, при подсчете вижу, что дело хорошо.

Черетеля, бледный как смерть, вытирает пот.

Чхеидзе упавшим голосом говорит:

— Большинство голосов принята резолюция товарища Каменева. Итак, президенту больше не существует.

Гуськом сошли — и навсгда — со сцены Петросвета и революции меньшевики вкупе с эсерами. Собрание повел председатель рабочей секции Федоров.

Питерский совет начал — Россия продолжала. В советах победили большевики.

КАК ПОБЕЖДАЛИ

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ,

Шла открытая подготовка к восстановлению. Меньшевикам и эсерам уже не давали говорить нигде. Я развезжал по городам, агитировал и тащил всякую орудие.

Власть валялась на улице. Надо было ее взять, но взять крепко.

Мы знали, что восстание назначено к открытию 2-го Всероссий. Съезда Советов. Мы готовились.

БОЛТУНЫ.

В ЭТИ ПОСЛЕДНИЕ ДНИ перед боем я почти не бывал в школе.

Да и все наши 27 большевиков были в расходе. Там оставались двое — трое назначенных для «информации».

Но однажды я остался на день. Случайно осталось еще несколько человек.

Что же делали юнкера — студенты в эти дни? Интеллигенция, так сказать.

Они... говорили.

Ежедневно, с утра до вечера сходка. Навероятно любопытно было, как они рассуждали. Вот где выявлялись до конца их мелкобуржуазная сущность.

Вот их разговор:

— Выступят большевики или нет? Если выступят, то с ними пойдут рабочие? Стрелять в них, или нет?

— Нет, нет! Они не будут стрелять. Ведь это — народ.

— Но, однако. Ведь народ-то будет идти против правительства. Пропадет буржуазное правительство, пропадет Россия.

— Значит — надо стрелять...

— Но ведь стрелять — в народ!

— Но не стрелять — это подвести правительство!..

— Итак весь день: как белки в колесе. Демократички!

Ветает тов. Рубинштейн и говорит:

— Восстание не только будет — оно должно быть.

Нет возможности вообразить рев собрания. В оратора полетели Чернышники.

— Исключить его из офицерского сословия. Сорвать поганы.

Тов. Рубинштейн поглядел места, где уже погон давно не было. По очереди встали большевики и заявили, что присоединяются к его словам. То же сделали и левые эсеры, перед ревом черносотенной части юнкеров. Меньшвики испугались, ушли скопом и тем совали собрание.

На завтра они — снова в разговор.

Нас уже не было.

Мы готовились к бою.

НАЧАЛОСЬ.

23-е октября. В Комитет партии вказ:

Учредить наблюдение за всеми телефонами, телеграммами, жел.-дор. станциями и школами прапорщиков.

Вздрогнуло сердце, моментально پوستы раздали оружие, «напряженность».

В ОКТЯБРЕ.

СНИМОК САВЕЛЪЕБА.

25-ое ОКТЯБРЯ.

СПЛЮ ОДЕТЫЙ. В плечо толкают: — Буди всех. Одного здесь, прочие — в Исполком!..

Всех большевиков поднял. Пристегивая уже на улице револьверы, бежим. В Исполком народ. Только наши. Я — на заседание Исполкома, один. Бежал, кто-то читает только что полученную телеграмму:

„Занять все телефоны, телеграф, ж.д. станции, обезоружить школы прапорщиков... „Аврора“ бомбардирует Зимний... Временное арестовано... Заседать непрерывно“.

Такой крик восторга, какого я никогда, наверно, не услышу, вырывается у всех.

И — за дело.

Вниз. Распределяем роли. Все разошлись с поручениями. Я еду с кем-то арестовать всера. Арестовали. Привезли.

По приезде жаловало меня назначение Комиссаром станции „Петергоф“. Еду на мотоцикле. Железнодорожники — наши, не пускают никого в Питер; жадно ловлю все время по телеграфу передаваемые сведения. Пропускаю в Питер отряд кронштадцев. Молодец к молодцу. Через плечо пулеметные ленты. Вооружены — лучше не надо.

Сообщают: юнкерские школы разружены без крови, даже без шума.

Целый день на станции. Сначала работ, потом нервничая, вижу, что работы-то пустяк, наконец, рау волосы: где-то бои, а я — „на станции“.

Вызываю мотоцикл. Еду в Исполком. Врываюсь:

— Товарищи, хоть расстреляйте меня — назад не поеду. На фронт!

Согласны. Поеду в штаб войск, действующих против Керенского. Ночь. Автомобиль... Заезжаем в Гатчину, наконец — Красное Село. Станция. Полно матросов.

— Явился в . . . и т. д.

— Поручик Хаустов. Прапорщик Сахаров. Еще какой-то офицер с польской фамилией.

Стою. Сел... Я-то думал, приеду в дело. А тут меня не видит никто. Ночь прошла. Вышел... Забрался в чей-то автомобиль. Едем осматривать позиции. Где-то ялет враг. На позиции, как на позиции. Роют окопы. Ходил с матрасами разбирать какой-то путь. Долго работая.

Снова штаб. Стою. Сижу. Дело к ночи. Вдруг, буквально врывается человек. Слова быстры; лицо горит.

Чудновский!

Он обжегт фронт. Сейчас едет на разведку. Исчез. Через час приехал.

Сообщение: „Казак занял Царское Село“.

Чудновский: — айда!.

Быстрый взгляд:

— Кто со мной?

Криком вырвалось:

— Я!.

Глаза щупают. Почему-то вопросы. А-а, погоны на шинели.

— Большевик?

— Да!

— Давно?

— Год.
— Готов на-
смерть?
— Двадцать раз
готов...
— Едем!

НА ВОЛОСОК.

ФЫРКАЕТ сто
сильная ма-
шина.

— Стой, мото-
циклет давай. За
нами затакало.

Под ехали
к Царскоесельско-
му шоссе. остано-
вились.

— Мотоцикл.
Если ты будешь
впереди и уви-
дишь казак —
дули, может и по-
вернем; если са-
ди — и нас захва-
тят, поезжай назад,
сообщ.

Зависли мото-
циклит.

— Что такое?

— Шина спустила!..

Слез помощник шофера. В темноте —
резкий звук удара.

— Сдрелай, мерзавец! Стервай!..

Сел. „Черт с ним“. Поехали. Но — за
нами татакает.

— Кулакком вразумил!

Едем. Пусто. Вот Царское. Пусто.
Подъезжаем к Совету. Пусто. Заперто,
темно. Рука на куке.

— Едем в полк.

Вполголоса говорим.

Вдруг из-за поворота четыре казака.
Мимо. Подумали, верно, что свои.

Моментально заворотили. Вдали стук
копыт.

Черт! Попали в тупки. Вывертываемся,
несемся. Бабахнул выстрел. Вынеслись
за околицу.

— Едем кругом в полк.

Окружаем Царское. Несемся, как
черти... Трр...

Дорога завалена. Нас окружает отряд
казakov.

Голос. Должно быть, начальника.

— Кто такие?

Пожимаю Чудновскому руку. Взводим
курки кольтов.

Приближается кто-то из казаков. Чирк
спички. Фонарь.

Вы в фонарь — дальше. Впрочем...
Фонарь падит и!..

— Мир ои ои!

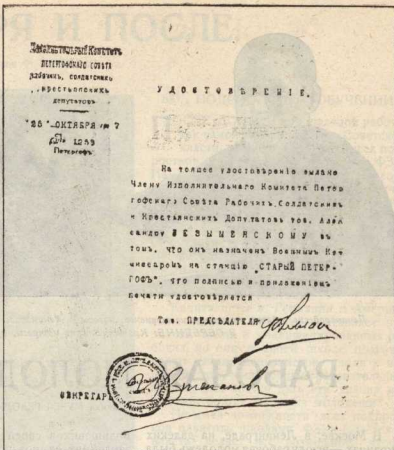
Крепкий голос в ответ:

— Это свои. Отойдите, ребята.
А сам к нам. Чудновский молчит.

Поражен.

Мировной рассказывает:

— Керенский ежедневно закатывает
с Красновым речи. Говорит, что Питер
подожжен. Госбанк разграблен; все вожди
меньшевиков и эсеров вырезаны. Каза-
ки — по разному. Мы, уссурийцы, отка-
зываемся стрелять. А допцы и текинцы
говорят, что идут не за Керенского, а
за бая Корнилова и Каледина. Мы,

как придем в Питер, эту сволочь, Ке-
ренского, уберем!..

Мы разянили ему, в чем дело. По-
советовали отправить делегацию Смоль-
ный.

— Ну, поезжайте.
Поехали. Уехали. На дороге мотоци-
клит. Действительно, сломал машину.
Возится. Мимо.

ФЕРТОМ.

МЫ В ШТАБЕ. Доложили. Только
кончили — нервный голос:

— Нашу часть в... (не помню) об-
ходят. Немедленно сообщите.

Снова тьма... В автомобиль. Ринулись
куда-то. Четверть часа. Полчас. Бес-
шумная машина несется по великоле-
пному шоссе. Ветер спереди.

Как-будто топот. Тише ход. Да! Казаки.
Проехать — казаки.

Не проехать — часть погибла.

Проехали!..

В руках по револьверу. Сто сил.
Свист ветра, стук сердец.

— Бах! бах!

— Фертом проехали!..

— Это — шофер.

Сообщили в часть. Я начинаю це-
петь. Все дни не спал и не крохи не ел.
Мог — и не ел.

Обратно едем с пулеметом. Но ни-
кого не встретили.

Снова штаб. Доложили и — пустота.
Упал... Кто-то положил на кровать. Про-
спал часов 16. Пронулся. — Чудновский
уже уехал.

Из Петергофа вызов. Требуют меня.
Усаживаюсь на автомобиль.

Петергоф. Спокойно. Все улажено.
И сразу — кипучая работа.

Странные клупиче дни. Клокотущие
силы. Нервы — струны.

И над нами, надо мной, маленьким
мощные слова рабочего:

— Власть взяли!

Ленинградские ребята, принимавшие активное участие в Ленинградском перевороте: Яшка Гейтлин (справа) и Ленка Фабулович (слева). В СЕРЕДИНЕ: Кронштадтские матросы, прибывшие на помощь Ленинграду в Октябре.

РАБОЧАЯ МОЛОДЕЖЬ В ТЕ ДНИ.

Снимки МУЗЕЯ РЕВОЛЮЦИИ и Ф. ЗУБКОВА.

В Москве, в Ленинграде, на дальских окраинах,— всюду рабочая молодежь была в первых рядах на наиболее ответственных и ударных позициях. Своей горячей верой и героизмом она заражала и взрослых рабочих. Первой пошла она на баррикады в дни Октября, первой зажгла огонь классовой воли и решимости в борьбе с врагами.

Июльские дни 1917 года. Стихийное выступление пролетариата жестоко разбито. Снова глухое подполье. Владимир Ильич Ленин и Зиновьев спрятались в рабочих кварталах. Жуткие и тяжелые времена керенщины. Военная клика снова у власти. Но это временное затишье перед большой грозой. Пролетариат ушел уроки июльских дней и готовился к решительной борьбе. Незаметно из подполья руководили большевики подготовкой переворота, оттачивали лезвие классовой решимости. Рабочий класс ждал. Нужен был только толчок, чтоб все с оружием в руках пошло на борьбу за власть Советов, за рабочее правительств.

Но молодежь ждать не умела. Натянулись нервы, она была готова к немедленной борьбе. И она первая прорвала полосу затишья. Первой зажгла факел Октябрьской Революции— своей бурной многочисленной демонстрацией в 3-й международный юношеский день 15 октября 1917 г.

Незадолго до октябрьских дней, когда в среде нашей партии были еще колебания, еще не все верили в успех переворот, в дни, когда Владимир Ильич послал свое знаменитое письмо в П. К. и М. К. партии о необходимости немедленно же ввязаться за организацию рабочего восстания— рабочая молодежь ежедневно приходила подгонять старших. По-деловому обсуждала она причины и объективные условия назревшего переворота. На собраниях Красной Пресни молодежь выносит краткую, но красноречивую резолюцию:

«Если Р. С. Д. Р. П. (большевиком) не поведет в бой рабочую массу, то рабочая молодежь перестанет считать партию

большевиков своей руководящей, заклеимет ее позором, и проклятием и сама возьмет на себя руководство выступлением. На улицу, к оружию, на баррикады!»

Эта резолюция отражала настроение всей рабочей молодежи России. Через нее последняя заявила партии: «Немедленно выступайте, мы с вами!». Резолюция явилась мощным толчком для всех колеблющихся товарищей.

— Ваша резолюция была сигналом к восстанию, говорили нам потом.

Через несколько дней— октябрьский переворот. Самое активное и горячее участие в нем принимает рабочая молодежь.

Трещат пулеметы.

Темная, непроглядная ночь. Нужно людей в центр для связи. Кто пойдет? Хвостики, конечно. Из района в район, из района в центр, всюду под дождем пуль бегут члены Союза Молодежи.

Вот Варнашка— парнишка 12 лет. С секретными поручениями и донесениями, несмотря на поминутные выстрелы, бегает он по Москве.

И вот, однажды, засмыкался.

Из-за противоположного угла выходят четверо юнкеров.

— Стой мальчишка!

Мелькает мысль: «Все пропало! А секретные документы?»

— Дяденька, пусти,— слезливо просит Варнашка,— я домой пойду.

— Погоди, куда торопишься, успеешь.

— Ты куда ходил?

— Брось ты, Валдим. Ишь, какой хрябрец. Мальчишку поймал, расхрыблялся.

Офицер окрикнул юнкера, который допрашивал Варнашку.

— Иди,— подтолкнул Варнашку юнкер,— только, смотри, домой.

Варнашка бросился бежать по Большой Дмитровке и вместо дома приблизился прямо в центр. Съел доверенные

ему бумаги и снова бежать с новыми бумагами в свой район.

Организуйте, организуйте свои отряды. Вот покупаете пороха, небось, как зайцы разбежитесь,— шутили рабочие подзадавривая молодежь.

— О, мы-то разбежимся, смотри-ка!»

И решительно шла в самые опасные места.

Сотни случаев героизма и самоотверженности рабочей молодежи в октябрьские дни здесь не передать. С пламенной верой в коммунизм, рабочая молодежь шла на борьбу и занимала первые ряды. Много ее погибло в октябрьские дни.

А сколько товарищей, закаленных в октябрьские дни, обвенных пороховым дымом Октября, погибло на фронтах гражданской борьбы? Так умер геройской смертью А. Попов, ушедший добровольцем на красный фронт. Он был одним из первых красногвардейцев района в Москве и активным участником октябрьской борьбы.

Михаил Ратманский—основатель Киевского союза, закаленный Октябрем, героически погиб под Трипольем (теперь Комсомолье), во главе 150 комсомольцев. И тысячи других, имена которых неизвестны.

Их смерть не напрасна. Советская Россия вышла из блокады войны и укрепила свое хозяйство, практически выполняет заветы Ильича о строительстве новой жизни. В седьмую годовщину октябрьской революции мы не забудем погибших в дни Октября, и на всех фронтах гражданской войны наших товарищей.

Своим участием в октябрьском перевороте рабочая молодежь доказала свою преданность большевистской партии, рука об руку с которой она шла и боролась за все годы Советской власти.

Ленинский Комсомол—достойная смена старой большевистской гвардии, закаленной в подпольной борьбе с царизмом

ДО ОКТЯБРЯ И ПОСЛЕ.

В. РОГОВ, СПИСОК Ф. ЗУБКОВА*

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ.

К 7-й ГОДОВЩИНЕ Октябрьской Революции мы подводим итоги работы Советской власти, профсоюзов и Комсомола по улучшению экономического положения рабочей молодежи. Каждый год мы отмечаем успехи нашей работы, так и за последний год мы итоги нашей работы подводим с значительным плюсом.

ОТ 15 ЧАСОВ—К 4 м.

ПЕРВОЕ В ДЕЛЕ охраны труда молодежи—это установление такого рабочего дня для подростков, который бы соответствовал молодому организму и охранял бы его от излишней эксплуатации во время работы. Попытки буржуазных «почетителей» о детях в прежние времена установить сокращенный рабочий день для детей и подростков не имели ни малейшего успеха. Малолетние до 15 лет в прежние время работали в среднем 8 часов и больше, подростки от 15 до 17 лет—в среднем 10 часов, причем значительная часть из них работала более 10—11 часов в сутки.

Как разрешила Советская власть рабочий день для подростков, должна знать вся рабочая молодежь не только СССР, но и всего мира. Первым шагом Советского правительства было издание закона о 8-час. рабочем дне для всех рабочих, 4-часовым—для подростков до 16 лет и 6-час.—до 18 лет. Одновременно закон запретил труд детей до 14 лет. Несмотря на трудное время гражданской войны, забота об охране труда подростков не сходилась с повестки дня рабочей власти. Так, мы уже имели к 1921 г. большие достижения: рабочий день подростков до 16 лет снизился в среднем до 5—8 часов, а от 16 до 18 лет—до 6—7 час.

Окончание гражданской войны дало еще большие возможности для охраны труда подростков, и в 1923 г. мы можем уже видеть, что в среднем рабочий день для всех подростков составил 5—6 час., отдельно по 16 лет—4—8 час. и от 16—18 лет—5—8 часов.

К 7-й годовщине Октябрьской Революции закон Советской власти, о 4х и 6-час. рабочем дне подростков почти везде проведен полностью; исключение составляли батраки в сельском хозяйстве, где трудно законодательно регулировать рабочий день.

„КУСОК ХЛЕБА“ — ПОЛНАЯ ТАРИФНАЯ СТАВКА.

НО НЕДОСТАТОЧНО установить сокращенный рабочий день, нужно и установить такую оплату труда подростков, которая давала бы возможность существовать и учиться подростку. Советская власть с самого начала своего существования установила оплату труда подростков при сокращенном рабочем дне, как за полный 8-часовой рабочий день. Это положение Советская власть включила в Кодекс Законов о Труде и

Пред. экономкомиссии ЦК РКЛСМ. т. В. Рогов.

оно проводится во всех отраслях хозяйства—как в государственной, так и в частной промышленности. В прежние времена подростки, работая в промышленности не менее взрослых, а иногда и больше, получали в среднем меньше половины заработка взрослых рабочих (47%). В мелкой же промышленности подростки работали за „кусок хлеба“. В настоящее время подростки, работая меньше взрослых рабочих, 4 и 6 часов, обеспечены с самого начала работы полной тарифной ставкой 1-го разряда, которая в дальнейшем повышается в зависимости от повышения квалификации. В среднем подростки теперь получают по 2—3 разряду, что составляло в среднем ряде основных отраслей промышленности более 50% среднего заработка взрослых рабочих. Такую же твердую линию Советская власть и профсоюзы зная и по отношению к частной промышленности, в которой оплата должна быть не ниже, чем в государственной промышленности.

Подводя итогу к 7-й годовщине в области заработной платы подростков, мы отмечаем значительные достижения, способствующие улучшению экономического положения рабочих подростков и обеспечивающие им нормальное обучение в производстве.

88%, ПОДРОСТКОВ В ОБУЧЕНИИ.

ПОСЛЕ ДЛГОЙ кропотливой работы как самой молодежи, так и Советской власти, мы имеем до 50% всех подростков, обучающихся в школе ФЗУ. На 1-е января 1924 года насчитывалось по СССР 943 школы ФЗУ с 68.819 учениками. Каждый рабочий подросток знает школу ФЗУ и стремится туда попасть, это не просто школа фабрично-заводского ученичества, где ученик получает только профессию,—это школа дает так же и общеобразовательную и политическую подготовку, помогает молодежи сделаться коммунистами.

Капиталисты в Германии и Америке тоже создают ФЗУ, их заставляет это делать нужда в квалифицированных рабочих, но они в своей школе готовят узких специалистов, сводя к минимуму получение общеобразовательных знаний, они боятся дать эти знания молодежи, боятся сознания молодежи.

Не имея возможности всех подростков охватить школами ФЗУ, Советская власть делает все возможное, чтобы наладить индивидуальное обучение молодежи в производстве.

Подводя итоги к 7-й годовщине наших достижений по производственному обучению рабочих подростков, мы можем отметить, что подростков, занятых на черных работах по отдельным производствам, осталось в среднем 10—12%, остальная масса подростков обучается в школе ФЗУ или в индивидуальном обучении.

ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ говорят за то, что экономическое положение рабочей молодежи, занятой в производстве, за седьмой год существования значительно окрепло, что видно из роста школ ФЗУ, укрепления заработной платы и сокращения рабочего дня. Все это содействовало повышению политического и культурного уровня рабочей молодежи, поэтому понятию, что рабочая молодежь является верным помощником во всех начинаниях Советской власти, она это доказывает еще тем, что массами вступает в Ленинский Комсомол.

Нашим лозунгом на знаменах 7 ноября 1924 г. должно быть: «Вся рабочая молодежь в борьбу за повышение производительности труда».

Только через увеличение производительности труда можно будет расширить производство и уменьшить безработицу. Общее повышение производительности труда создаст новую, более твердую материальную базу для улучшения положения молодежи и ее обучения. Помня это, рабочая молодежь должна еще больше напрячь свои силы на восстановление производительности и повышение производительности труда.

ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ОКТЯБРЕ,

ОРГАНИЗОВАННЫЙ РЕДАКЦИЕЙ «С.М.Е.Н.Ы» В ЦЕНТРЕ ДОМЕ КОММ. ВОСП. РАБ. МОЛОДЕЖИ.

ВЫСТУПЛЕНИЕ тов. ЕРОХИНА.

Перед Октябрьской Революцией работал я на «чугунке». Поступил я туда числа 7 или 8 октября «слесаренком». Помню, был в нашей бригаде солдат, недавно вернувшийся с фронта. Он вел агитацию за большевиков и Советы.

Запомнился мне один митинг, разбирали все тот же вопрос: кому власть — Советам или Учредялке? Когда этот вопрос поставили на голосование, то большинство было за Советскую власть. Но митинг не удалось закончить, его сорвали эсеры. А народу было на нем много, до 2.000 чел.; были тут и Служба Движения и Служба Тяги и перенособлочный, слесарно-механический и др. цеха мастерских. Я тоже голосовал за Советы, хотя мне было тогда лет 15, но на меня уже здорово влияла агитация. А, стоявший со мной рядом, мастер посмотрел косо и сказал: «А ты, солипын, знаешь ли, за кого голосуешь?» И хотел дать «лесть», да я удрал.

А к матери из деревни приехали две старухи и рассказывали, что у них все голосовали за 5-й номер («за большевок») за «прекращение войны», как приезжие с фронта солдатики указали. А у нас ребята соберутся кучками, все спорят, кто насчет хлеба, а все больше о политике: о кадетках, меньшевиках и большевиках и о Красной и белой гвардии. Тут один старик и говорит:

Вот в Англии или, скажем, во Франции царя нет! А у нас был царь, да сбросили, а ведь прозывали его белым царем. Теперь царя-то нет, да есть белая гвардия. Вот белая гвардия и хочет белого царя!..

Наши ребята организовали ночное вооруженное дежурство. (Характерно, между прочим, что на нашем дворе яростными ругательствами большевиков были домовладелица и лавочница). Идешь, бывало, на дежурство и наблюдаешь сцены, как жена или мать не пускает товарища, плачет, боится, что убьют. Когда начались бои, пошел я с одним товарищем на Красную площадь. Дошли до Сухаревой площади, тут все оцеплено солдатами из Спасских казарм и никого не пускают. Пошли мы переулками, которые между Мясницкой и Покровской. Здесь нас раз 5 останавливали и бились. У моего приятеля отняли. Часто приходилось нам укрываться от пуль в подьезды и ворота домов, так как стреляли со всех сторон, и шальные пули летали всюду. Так и не пошли мы до Красной площади. Пришлось повернуть обратно.

ВЫСТУПЛЕНИЕ тов. БАТЕНКОВА.

Помню — начало Октябрьского переворота. Сместили денежную смену, поставили ночную — заработали моторы полным ходом. Вдруг в соседнем отделе как-то сразу все затихло. Смотрим — в проходе стоит рабочий: Кончай работать!» и махнул рукой. Сразу выключили рубильники. Всем стало ясно, что случается что-то важное.

Не убирая станков, бросились на улицу, а один рабочий — старый подпольщик на ходу крикнул: «Дело будет!» Все выспынали на улицу. Тут уже об-

разовалась толпа из наших рабочих. Я втискивался в толпу, расталкивая знакомых, стараясь узнать, в чем дело.

Толпа повалила к Серпуховской пл. Пришли туда и прямо к Дому Советов. Около него много солдат — всюду мелькают серые шинели и около самого здания лес штыков. Оглянулся я и вижу — за мной через толпу такой же (как я сам) шинярат с «нуго» злата — один латыш пробирается: «Их, говорю, сейчас оружие получим и пойдем на кадетов в центр!» Кругом чувствовалось, что готовится что-то важное: все трамваи, идущие к центру и из центра, были пусты. Мы с латышом пристроились на буфер одного вагона и поехали в центр. Но мы и до Каменного моста не доехали. Какой-то прапор согнал нас с буферов, и мы пешком побрели дальше. У Каменного моста была цепь кадетов и нам пришлось податься в сторону. Но мы все же прошли на Красную площадь, к Лобному месту. Хотя было уже темно, мы разглядели множество эполет, мелькавших всюду в толпе, зашедшей на Красную площадь.

У Кремлевских стен стояли цепи кадет и все время на площадь прибывали новые белые отряды.

Мы увидели, что слишком далеко зарвались и решили убираться во-своис через Варварку и Зарядье переулками к себе, в Замоскворечье.

Идем, кажется, по Псковскому пер. и наткнемся прямо на штыки белых. Думаем: «воялопись!». Однако, подзорные огляде и увидев, что перед ними «шиняраты», кадета с руганью нас все же пропустили. А мы, дуй в обе ноги, опять на Серпуховскую к Совету.

Пришли, а тут уж происходит посадка солдат на автомобили и отправка окрестными путями для наступления на Кремль. Покрутились мы еще немного, и так как очень устали от нашего путешествия на Красную площадь, разошлись по домам.

ВЫСТУПЛЕНИЕ тов. ВОЛОДИНА.

Перед Октябрьской Революцией на станции Люблино был создан отряд Красной гвардии, в который записался

и я. Отряд был создан т.т. Журавлевым и Старковым от ячейки партии большевиков.

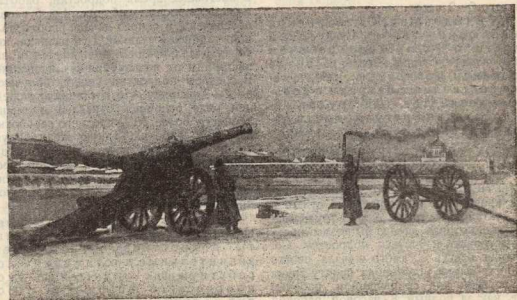
На специально созванном собрании железнодорожников т. Журавлев сделал доклад о значении и необходимости создания Кр. гвардии. Задача нашего отряда состояла в охране ж.д. грузов, так как на ж.д. были массовые и частые хищения из вагонов ценных грузов. Наш отряд поэтому очень часто производил обсыки у подозреваемых в хищениях жителей станции.

Во время одного обсыка произошел такой случай. Проводник, которого обсыкивали, после ухода отряда заявил, что одним из отряда у него украдены деньги. Этим он вызвал большое возмущение среди железнодорожников, среди которых были очень сильные эсерские настроения и неприязнь к отряду. Большая группа железнодорожников явилась в штаб отряда и стала требовать возврата пропавших денег. Видя возмущение этой группы, тов. Журавлев (нач. отряда) заявил, что если заявление проводника окажется ложным, он будет расстрелян, если же будут найдены деньги у красногвардейца, то последний будет расстрелян. И вот, поставив караул из двух надежнейших товарищей у дверей штаба, Журавлев со своим помощником, стиснув зубы, приступил к обсыку своих же красногвардейцев. Деньги нашлись у одного: они были запрятаны за поясом.

В молчании отряда и настороженном ожидании железнодорожников, его, украденные деньги и запятанную честь Красной гвардии, вывели и тут же на дворе, обернув лицом к дереву, расстреляли.

Этот случай произвел большое впечатление на все население станции. После него Журавлев вычистил из отряда еще 2-х подозрительных ребят.

В ночь перед восстанием мы получили из Москвы телеграмму, догрозилась в несколько вагонов и прибыли в Москву. Приля к Красным воротам в распоряжение тов. Львова, я и еще 7 товарищей были назначены в караул в здании Инст. благор. девиц.

ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ В МОСКВЕ: Тяжелая артиллерия на набережной Кузьмского моста.

Петька с „Сущки“ явился с покупками.

У сапожника Павла Курносова „осил-куток“ в низовом этаже...

СВОИМ УМОМ ДОШЕЛ.

Радио-поэма Е. СИМБ-СКОГО, снимки Ф. ЗУБКОВА.

У сапожника Павла Курносова
„Жил-куток“ в низовом этаже,
Аккурат тебе будка барбосова,
То-есть,—в самый обрыз—„абреже“
Да в дом-то, мурыя инкукудыша,
Просто—„шпроты в прованском“,—не дом,
Оттого и буза злокадышная,
Канитель и Гоморра-Содом.
Общей кухни,—повитю,— не водится:
Повернусь—уперся в Глазья...
Баба вечно с плитой хорохорится,
А в „остаче“ крутятся „роба“.
Раз шагнул—и Каря Маркса утасився;
Повернусь—уперся в Глазья...
Так бы лег да навски превалился,
Иль подлее да стрекача...
Будем сказывать: комната чадына...
Вряд ли хуже в столице и ест...
Ну, а тут еще с Петькой несладкая
Приключилась радая болезнь...

II.

Петька ростом не дюже возвышенный:
От горшка, например, полпершка,—
Но изюгой,—не сказать: „облаженный“.
С первоуротной мозгою башка...
Пришлавдорившись в школе технической,
Моглода океаны наук:
Сам проводит огонь электрический
И звонки по квартирам возгур.
И пендлхити нет, а поаде-т-а.
Петьку в гору и-и-х почесало.
И смотреть не желает, вишь, дыткато.
На отщепное хлеб—ремесло.
—И,—грит,—вам не простой человекча,
Человек на теперный фасон:
— У меня,—говорит,—обеспечено,
Чтобы был из меня Эдиссон.
Все своиные други—приятели,
Кто в мяглаго, а кто на бумбар,—
Все курьяшники, бры, ругатели,—
А Петька—„Таганрогский товар“¹⁾.
Целя сутки над чем-то ступитяся
(А в мурые и самим не присестя).
По неселью не глянет на уащину,
И вино позабудет и ест.

Заработал у нпмана чуткою,
Дал сестренкам—братенкам двугриш,
И на „Сущку“²⁾ в туру же минуточку
Понетя, что твой борзый лягаш.
Ох, ты, тес-теснота злокадыжная
И самим-то не встать, ни прилечь,
А у Петьки „муры“ всевозможная,
Что вот только страбасться да смеж...
Провода да штуковина бросова...
Петька с этим всю ночь напролет...
Вон уж шепчутся...—„Сашы, у Курносова
Непущий сапог-то растет“...
— Ой, возми-ка, сынок, опорожника
Свой-то угол,—на што те оны.
Велики ли промысла у сапожника,
А тебе-б стодилося на штыки“...

III.

Сам Курносов не шибко сознательный
(При чаре родился и возрос...),
Человек работящий, старательный,
Да житье не особь задвадло.
То война, а за ней безработица...
Ломит спину и ноги, и грудь,
Часом с дела позвольнато воротится,—
Ну, глядишь бы, прилечь да вздремнуть.
Аи, в мурые-то с обела нагажею,
Да со стирки испарина—чад...
Знамо дело,—не плошода, а скважина...
Кубатура, слышь,—закляй яд...

Ну да ладно бы... Дело привыное.
Взял да лег за газетной „Груд“...
Так ребята тебе злокадышные
Промо в уши источино орут.

Ну и рывнись так нервеиным голосом:
„Шел бы Петька. Рассеяса бревном.
Эка шипгаль. Смютри-ка-о-сы! на зола сам.
А ведь занял весь угол добром“...

IV.

Ну, конечно, по злости срываете
И не это порой, а в душе
Распрекрасная дума ботаете:
— Да не все-ж суетелота о гроне...
Моеся авраду Петьошка особенный,
И взарадуя в науках долер...
Да, ведь, в жини-то, горем заполошею,
Материнский не в строку увер...
И порой, как сойдутся, у празника,
Заведут тарараб за пивком,—
Сам Курносов на Петьку проказника
Закадыками уважат кивком:
— Мое, не нашного роду и племени,
А советский растет человек.
При чаре-то, по старому времени,
Мы таких не выдали вовек.
Над какой-то машинной козаеся,
А затем, хушь убей, неможемся,
Я и так уащ,—душа занимается,—
Может, выведет и дело и прок“.
А приятели умственно хмылали:
— Коль машина, так это брет, ух,
Глаз, с Комхоза какого, со ВЦИК-а ли
Награждение получат Петьру,

¹⁾ „Таганрогский товар“—подметки Таганрогской
выделки у сапожников чеплетота лучащима.

Советский растет человек.

²⁾ „Сущка“—уменьшенное название Суздальско-
го рынка.

Разложился кругом, растопырился, застучал, задрезал, застрасал.

Коль один оно изобретено
Для какого, скажите, ремесла,—
Коль оно изобретено Петню
Приспособить в дела промысла,—
Только все-ж бы по делу башмачному
Принцать помаленьку мязвля,
Мастерку деловому, чуланному,
Чтобы вышел, примерно, в ботинки...
— Нет уж, милые други-приятель,
Будем жить на советский режим.
Сядь мы сядь на учебю потрапал,
Что воевал при козодке дрожали.
Уж пуская их живут не по-нашему,
А особую жизнь создают.
Да опять же: острастку завалял ему,
Так уйдет от тебя—и нулет.

V.

Ох, мурье ты, мурье окаянное,
Ох, ты „жил-кубатура“ тоска.
Омушено чадит конопляное,
Оголято зловоет треска.
Взят ребят, громыхание посудина,
Запах мыла, паров и грязь—
Неважистие нетай Иудовина.
И опять же в дому конопляное...
Петня с „Сунцук“ являлся с покупками;
Все, что взял с рынка, промотал,
Две коробки с камина-то трубками,
Кремешок (надо быть камина),
Провода и машина варочная,
Ну и проводки тоховой с пуд...
Вот какая житьяго некаданья:
Сами дети из горла дерут.
Разложился кругом, растопырился,
Застучал, задрезал, застрасал,
И, немелая, ором расфудырился:
„Чей-то голос в трубу провешал“.
Мать смеется, а титяка зямонится:
„Изобрел, же, сынок благодать,
Вся Раса теперь телефонится,
Так не стоило время терять.
В нашем гресте их до ста имеется,
И у нас в мастерской аппарат,
Коль умещишь—и ты, разумеется,
Разговаривай сутки под ряд“.
— „Эх, палаша, головка отсталая.
Это радио, вещни—сысметин.
Понимаю в нем до смеху мало я,
Но дойду, как наступит момент.
Не дойду—отдавайте в башмачники,
Буду местно тачать сапоги,
И оконую свой век извучиваю...
А куда мешать не моти.“
Завтра утром залезу повывше я
(Мне домком разрешила поутру);
Там витену повену над крушею,
Всей стоянке носине утру“.

VI.

Ночью грохот... Споткнувшись о проводы,
Вывел титяка под глазом фонарь,
И на слезные Петюнина доводы
Все бубнил: „Исковеркнуты, гварды“.
Мамка утром критича пронизительно,
Словно сунула нос в кипаток,
А сивиншка бучача поучительно:
— „А не гривь, заэлектрически ток“.
Обошлась... Собрался сапожничать,
Сел... Разом являлся за прюг...
От обеда дошла до „Безбожника“,
Поблатали, послали в шинюк,

Добавили... Пришли в умиление.
— Хорошо бы сходять в мязовле.
— Говорят, что пойдем в воскресенье...
— В праздник, что уж пройтись милее...
Прочитали в „Известиях“ радик:
Что в Марьково, что Франциск барон...
Обругали Лав-жорку—исчлуде...
Варуга запис на столе граммофон.

VII.

Петня вскрикнула, дохматый, взъерошенный,
Слова сел и за трубу взялся,
А сапожник кругок орошенный
Общим хором сказал: „Чуаесса.
Что таковы? И что за механика?
Без трубы, а—видать,—гомоиня“.
— „Успокойтесь. Напрасная паника.
Это самый научный гранит“.
— „Очень известно. То-есть „граезение“...
Вон живалка—студентка из ФОН,
Но одиное не слышно, тем месце,
Чтобы грывли у их граммофон“.
— „Титяе граждана... Петняе всклобоченный,
Поблесвени, что твой пидолое,
Бац на стол, саомоном помоченный,
Всю машину и динный шпурок.
— Вот послушайте, Там конференция!
Питый сеза“...—„Говори, Не томи“.
А концерт обещают и востми“.
Ваяз рукой, почему-то дрожало,
Эту трубку Парфенов Кошарат,
И, заслышавши речь настоящую,
Тихо молвил: „живой в акурат“.
Ставо в комнате тихо монотонно
И внимали все с 20 минут,
Как из трубки звучал убедительно
Госас Тривоного, словно вот тут.
Речь покрывалась яловой раскатина
Снова стихло. В среднучахных „стыть“.
И опять, как живой, пред ребятами,
Начал Каменев речь говорить.

— Да и что-ж оно—это явление.
Конференция, скажем—в Большом,
А из Бронной съехать... Удивление...
Сединилась с моим шапаном.
— Там сказали, а это я хлюваю.
Там собрание, а мы как на нем.
И ужели над всем Европою
Этот самый разнесится гром?

VIII.

Перерыв... Смыслина очумелые,
Три минуты молчали... Потом
Варыз счастливые, гордые, смелые,
На Петряя належали гуртом,
Волгалиши восторги, изумление:
— „То-есть, гений, не глядя на рост“.
А в дверях уж толпились в смвешени
В 200 душ постояльцевский хвост.
— „Да неужто-ж у Петяи—исчлудя
Завесил такая башка,
Что придумала станцию-радиа“...
Но внимали речам без смешка.
И когда в „телефон“ залковали,—
И в дверях все залковали враз,
А парезные даже затопали,
Ощутив несбылывый экста.
Ровно в 8 „послаю“ заново...
Влезало в комнату согния голово...
Выступала сначала Нежданкова,
А за ней гонимый Каналов.
Время мячало длинно-ль, коротыно же ли—
Не заметили, дух затаив—
И пред ними и перы, и трещкалы
И сказали потом: „перерыв“.

IX.

Разошлись возбужденные, красивые,
К надоевшей „жиплопальной“ теме,
И журнали восторги их кстранные
О великом таланте-уме.
В эту ночь не спало у сапожника.
Предсказатель правивший сидел,
Все рассматривая, с видом художника,
И на Петяку с почтением глядел:
— „Погодите, оно образуется
И на-днях обнаружится хол,
Только пусть мазкуган не балует.
Гарантирую шибко пойдает“.
Матка плакала, млея сапожника,
Петяка слушал, а вслух повешал:
„РОСТА. В Берне железнодорожники
В польку МОПРа устроили баб“...
Разошлись... Жидкомую рабоча
Крешко плаваат в праздничном сие...
Только Петяка, мозгати ворочая,
Что-то пальцами чертит по стене.
Де механика, совсем незаметная.
На столе темной унита,
Что-то нукает тайно-секретное:
— „Та-та-та-та-та-та-та-та“...

РОЖДЕННЫЕ ОКТАБРЕМ.

ПОЭТЫ И ПИСАТЕЛИ КОМСОМОЛКИ.

Г. ЛЕЛЕВИЧ, снимки Ф. ЗУБКОВА

СЛЕВА НАПРАВО:
Н. Кулев, А. Ясный, С. Малахов, Н. Колосов, Г. Шубин, А. Безименский,

А. Жаров, В. Герасимова, Б. Кочынев, В. Рахило, М. Голодный, М. Светлов.

Мы в Комсомолье живем,
стране великой и богатой.

ДА, ВЕЛИКА и обильна Комсомолья, много стойких бойцов подарила она РКП, рабочему классу, Советской власти. И в ряду этих бойцов не последнее место занимают бойцы литературного фронта, — комсомольские поэты и беллетристы.

В комсомольских клубах, в редакциях стеньгах газет, в партшколах и казармах во всех концах СССР зреют и растут художественные творческие силы Комсомолья. Многие сотни и тысячи комсомольцев могут применить к себе слова Фета:

... Не знаю сам, что буду
Петь, — но только песня зреет*...

Еще бы не зреть. Ведь молодость всегда отличается «повольдем чувств», особенно же молодость, борющаяся. А поэзия — не что иное, как обобщительные, систематизация чувств (Бухарин).

Когда же эти юные строители и борцы, в груди которых «зреет песня», начинают узнавать, «что они будут петь», когда они начинают овладевать своими творческими порывами, — они становятся пролетарскими поэтами, пролетарскими писателями Комсомолья.

Величайшей ошибкой было бы противопоставление комсомольской и пролетарской литературы. Комсомольские писатели, это — нераздельная часть пролетарской литературы, один из ее отрядов, — и важнейших отрядов. В развернувшейся острой борьбе на литературном фронте большинство комсомольских писателей было в рядах авангарда проле-

тарской литературы, а многие из них, кроме того, выступили, как зачинатели этой борьбы.

Поразительная быстрота творческого роста литературных сил РЛКСМ. На наших глазах незаметные провинциальные пары в течение каких-нибудь месяцев вырастают в значительных поэтов, приобретают заслуженную известность, занимают не последнее место в рядах современной литературы. Кто знал два года назад Светлова, Ясного, Голодного? Ограниченный круг украинских комсомольцев. А кто знает их теперь? Каждый, интересующийся литературой. Кто знал полгода тому назад архангельского комсомольца Молчанова? Только архангельские же комсомольцы. Теперь его знает вся литературная Москва, а скоро, без сомнения, будут знать все интересующиеся литературой. Таких примеров можно приводить десятки.

Целый ряд комсомольских художников снова уже перерос рамки юношеской поэзии и по мотивам своего творчества, и по широте захвата аудитории. Ряд комсомольских поэтов давно перерос в ряды поэтической смены в ряды основного кадра обще-пролетарской поэзии. Безымянский и Ясный — первый пример такого «прорастания». Но каждый художник, выросший из Комсомолья, может сказать о себе:

«Я буду сед, но комсомольцем
Останусь, юный, навсегда*».

Постоянная приподнятость задорного Жарова, печальная улыбка задумчивого Светлова, любовный взгляд насмешливого Рахило, певучая задумчивость

ржаного Доронина, сосредоточенное мастерство Малахова, несколько надломленная бесшабашность Ясного, порывистые искания Колосова, — как различные, как непохожи друг на друга все эти черты поэтической «молодой Гвардии». И в это же время много общего объединяет творчество всех этих художников. И это общее — самое главное.

Эпично — объективен ли, лирично — субъективен ли комсомольский поэт, — в своих личных переживаниях он, как истый Октябрьщик, всегда преломляет нашу великую борьбу, всемирно-историческое столкновение общественных сил. Общее, силу и дух революции комсомольский поэт воплощает не в отвлеченные символы, не в звонкие восклицания, а в живые картины, в куски действительности, умея за каждой мелочью революцию мировую найти». Понски формы, овладение мастерством не заслоняют для поэта-комсомольца основной задачи: воздействовать на читателя в сторону коммунизма.

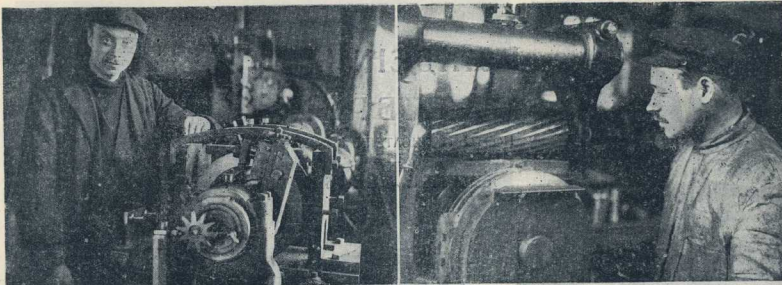
Сложен и труден литературный путь. Легко на нем опуститься и свалиться в пропасть или болото.

«Чтоб одного воззвешать, судьба
Тысячи слабых увонст*».

Встречаются такие слабые и в рядах комсомольских писателей. Но основные отряды комсомольской литературы сплоченными рядами поднимаются вперед.

Не даром:

«Мы в Комсомолье живем,
Стране великой и богатой*».

С П РА В А: 500%, ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ: станок для раскочки тормозных цилиндров, усовершенствованный токарем, директором Гос. Торпмашино завода — Ливиним. У станка одного цилиндра в день, станок теперь обрабатывает 5 штук. У станка стоит рабочий-изобретатель тов. Крафт.

С П РА В А: ИЗОБРЕТЕНИЕ, УВЕЛИЧИВШЕЕ ВЫРАБОТКУ в 3-й РАЗ: Фрез, усовершенствованный рабочим Гос. Торпмашино завода в г. Ленинград — тов. Крафтом. Он сокращает время обработки тормозной лопы (часть тормоза, непосредственно прижимающаяся к колесу) с 25 минут до 7 минут.

РАБОЧИЕ-ИЗОБРЕТАТЕЛИ

В. ВЕНЮКОВ, снимки Ф. ЗУБКОВА.

В МЕСТЕ С ВЕЛИКИМ ОКТЯБРЕМ, родился у нас новый порода людей — рабочих-изобретателей. Развился, прочно встал на ноги в теперешнюю и неустанно растет.

И это уже не простые фантазеры и изобретатели «двухдневных двигателей», а сознательные участники народного производства, боевые бойцы за все его сокращения, за все его отдаление от Западной Европы. Порой, будучи малочисленными, они обгоняют даже Европу, несмотря на почас, организационные преследования некоторых диссидентов и профессоров, заседающих в технических комиссиях Главмаш и трестов. Они могут равнодушно видеть, как эти мозолистые, заскорузлые руки творят то, что было правом их умов и белых пальцев.

НА ЛЕСНОЙ УЛИЦЕ—Государственный тормозной завод бывш. В. З. К., а в Рыбинске — завод американского «тормозного корабля» Вестингауза.

Оба они выделывают особые тормоза, употребляемые в пассажирских вагонах, паровозах, трамваях.

Когда-то в начале революции «тормозный корабль» Вестингауза был единственным поставщиком тормозов для транспорта и металл заготовил комиссию на наш молодой завод в Москве, индустриальным образом, нас последней возможности конкуррировать с ним.

И уже было почти решен вопрос о передаче завода вместе со своим директором — токарем Ливиним—беспорочно россии.

Но случилось, учувствуя производство, обгоним Вестингауза.

Бегит токар, Ливини, Суслицкий возле станков.

Поднялись ребята...

И ребята вместе с директором «жали»...

В токарной мастерской, где точили крупные части, была обдочивальная станочная часть. На этом станке растачивали цилиндры для тормозов. Всего одно штуку в день. И Ливини задумался на тем, как бы усовершенствовать станок.

Энергично взявшись за шеюшку и сразу же— блестящие результаты. Станок начал вытачивать вместо одного—пять, цилиндров. Добавись того, что за нем работает теперь сразу шесть резцов и рессачивают не только внутреннюю часть, но и снаружи для фиксации оверстома. К тому же выточка идет в шесть степеней аккратно и точно, допуская неточность всего-на-всего два сотых миллиметра.

аметра. И этого еще мало. Отточка стала настолько гладкой, что не требует никакой шлифовки, между тем, как на всех остальных станках после выточка обязательна шлифовка шлифовкой. Чуточку можно теперь брать уже более плотный что гораздо выгоднее.

Тов. Берзин, коммунист, каляничник литейного цеха, зовом голову над способом окислительных металлов.

Дело в том, что резец, фреза или какой-либо другой инструмент для обработки металла должен быть особенно крепким. Для этого его «цементируют», т. е. помещают в особый состав, из которого приходится обращаться за гранулы.

Над задачей изобретения более дешевых цементирующих материалов работал много лет наш главный инженер, и все работы их было тыщты. Но велика любовь Берзин к заводу, еще больше его нежность к Вестингаузу.

И он, после упорных трудов и сновов, вытискивает на крайние интересные способ цементации, древесными березовыми опилками. Премо из-под пилы—50 к. мешок. Испытание его озображения дало блестящий результат.

Этим т. Берзин привнес неоценимую пользу всему заводу, сэкономив заводу много сотен тысяч рублей.

Изобретательская горячка разгорается все больше и больше.

Рабочие токарного шеха при участии Крафтера, слесаря Сидина усовершенствовали фрезерный станок для тормозных лоп. Прежде на этом станке отфрезеровывалось семь штук в день.

После переделки станок начал выпускать не менее 30 штук в день.

Благодаря этому, время обработки лопы сократилось с 25 минут до 7.

Тов. Крафт и Сидин не удовлетовались этим. Вместе с т. Ливиним, Крафт придумал способ быстрой обработки «края машиниста» на тормозе Вестингауза.

Обработка его была настолько трудная, что в день можно было обработать всего три-четыре штуки. После усовершенствования станка стало возможным обрабатывать в день до пяти штук.

Много сталый проволоки портилось во время изготовления тормозных лоп. После долгих опытов т. Крафт, накаливая проволоку электрическим током и наматывая ее, добился полного отсутствия «брака» и опять «сберек» заводу много денег.

Тов. Сидин сделал столько разных усовершенствований, что один простой, сухой рабочий заводил бы много места.

Работы его, поистине слесаря, направлялись были большей частью к тому, чтобы придумать такие «шаблоны», которые позволили бы выпускать весьма точные инструменты. От этого зависела в большей степени борьба завода с Вестингаузом. Тов. Сидин много поработал над этим.

И, в конце концов, рабочие-изобретатели завода своего—Государственного тормозного завода

начал выпускать тормоза дешевле Вестингаузовских. Простые рабочие руки, железная воля и зинный ум токаря-директора Ливина, Берзина, Сидина и Крафта победили Вестингауза.

И завод полностью не удовлетворен потребности. К тому же несколько «ворнуос» сторело во время пожара. Заводо производит начинать работу. Из кусков строить оборудование.

Но самое главное—способ производства несовершенен. И рабочему Балашу, возвратившемуся с фронта, работы по горло. Он не может равнодушно смотреть на все, как отставка фрезерной гильзы производится вручную. И, через некоторое время, он уже лет механический способ выношения этой работы.

Сначала, после просеивания и разлома глина, из которой изготавливаются изоляторы, превращается в особую теплообразную массу. Формовка изоляторов по ней происходит из двух половин. Эти половинки затем должны срашываться (соединяться) в одну (дечу), и вот тут-то все беда. Во время срашывания изолятор расслабляется, и, таким образом, получается брак. И брака много: из ста штук, поступающих в брак, в действительности только тридцать изоляторов. И Балаш опять придумывает особый способ, позволяющий формовать изолятор целиком из одного куска. Первая пробка обжигания в брак—из ста пятидесяти штук два десятка брака.

Выточка изоляторов производилась на вертикальном вертете, а их нужно было приделывать руками. Такой способ давал всего лишь 18 изоляторов в день. И рабочие во главе с Балашом взялись за усовершенствование этого способа обработки. Скоро им удалось достигнуть блестящих результатов. Обыкновенный токарный станок с особым приспособлением, придуманный им, начал давать 140 штук, вместо прежних 18.

Своей смекалкой тов. Балаш сумел завоевать авторитет на заводе. Всюду, где только слабое место, где—процара, где техническая отсталость, носылат Балаш справиться с недометом. И он справляется лучше другого инженера.

Но не всегда так гладко складываются изобретения их учеников: техника работы. Служба и работ там производится стаяваться с противоположным администратии и инженеров, которые нередко всячески тормозят эту работу.

Пример того—тов. Сидур, рабочий завода «Каучук», коммунист.

Камерное отделение, где работает теперь т. Сидур мастером, сканывало автомобильные камеры.

Это было одно из самых губительных по работе отделений. Клейкая представляла большую трудность. Подложная резина плохо клеилась, и для клеяки приходилось употреблять весьма вредные вещества.

Рабочий приходилось ежедневно, во избежание «отравления», выдывать по две кружки молока. На «слабейшие» стька уходяло много резины,—около десятка сантиметров. Если камер» попадал в тем-

рвал во много сотен тысяч, а может быть, даже миллион рублей. И шофера перестали бы ругать "Каучук", потому что при испытании камера ждал более, чем благоприятные результаты.

Но не тут-то было. Сделав всего лишь два экземпляра своим способом, Садук получил распоряжение от инженера прекратить работу. Пробежали эти две камеры на шафту около года, пока директор завода не узнал о выдумке и не пришел ее посмотреть. Собрали техническое совещание, обсудили, испытали и велели наладить дело по новому способу.

Инженер Биетро пошло дело. Вместо 130 штук ставили изготавливать 300 в день.

Вдруг инженер заявляет, что изобретение это было изобретено им раньше и Садук не один имеет право на него! Со стороны технической администрации подана жалоба на инженера против Садука.

Но этого мало. Вскоре приходят к изобретателю из треста и говорят, что в виде вознаграждения он может получить трехмесячное содержание, а за это должен подписать обязательство, в том, что не будет больше заявлять прав на изобретение, а передает его тресту. Бумагу Садук не подписал, а подал заявку в комитет по делам изобретений.

Еще больше разозлился на Садук и до сих пор еще смотрит исподлобья, а тут главы — еще один изобретатель вынырнул.

Т. Циренко также рабочий камерного отделения.

Видя Циренко, как вальцовал камеру. У стайки работает два человека. Резина, протравливая в особую массу, вытягивается в трубку. В нее надо руками способом насыпать тальк. Вредная пыль стоит столбом.

Решил Циренко попытаться устроить так, чтобы все делалось механическим путем, и чтобы у стайки был один человек, и только наладка была за работой.

Поту кусочком собрал он материалы для своего станка. Трудно было работать. Помощи получить не удалось. Везде отказ. Инженеры еще больше змунрили, после того, как рабочие стали гворить, что вот дескать, мол, ничего они хорошего придумать не могут, все работы изобретут!

Но Циренко не унывал. Мало-помалу прибавлял к станку части, и он — почти готов. Незаменимая помощь со стороны администрации, и конструкция была бы закончена. Но инженер "забывал" работу! Не ждал тебе, братец, заниматься этим, все равно, не выйдет!

И администрация велела убираться изобретателю вместе со своим "недоработанным станком" из последнего убежища — с треста, где он все время работал.

На этом мы закончим наш очерк. Конечно, он далеко не исчерпывает всех наиболее характерных случаев изобретательства, но мы хотим, чтобы рабочая изобретательская интеллигенция, о подвигах новых изобретателей, быть может порою незаметных, insignificant, но ценных в нашей упорной борьбе за восстановление промышленности.

Мы хотим, чтобы каждый "фабрик", выходящий в производство, был изобретателем, который бы не "сражался" перед инженерами, профессорами или тозовскими администраторами. Мы хотим, чтобы молодежь училась на подвигах новой породы людей, рожденных революцией — на самоотверженной работе рабочих-изобретателей!

ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ ДЛЯ ПОДНЯТИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА?

ПОМНИ!

Центральный Комитет Комсомола дал задание: каждый Комсомолец должен быть застрельщиком в деле улучшения производства и поднятия производительности труда!

ВВЕРХУ: Рабочий слесарь Сидин (Гос. Горюхой завод), сделавший до ба — усовершенствованный станок.
В СЕРЕДИНЕ: Придуманный им, Балашев (завод "Изоляшор") особый шаблон, дающий при обжиме вместо прежних 30% — 100% годных изделий.
ВНИЗУ: рабочий-изобретатель Т. Циренко.

РУССКИЕ ФИЗКУЛЬТУРНИКИ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Б. ГРОМОВ, СВИМКИ Р. КУПЧЕ и Ф. ЗУБКОВА.

НАША ПОЕЗДКА в Чехо-Словакию на международное спортивное состязание, помимо своего чисто спортивного значения, имела еще громадное политическое значение.

Это был сплошной триумф. В честь нас заграничные товарищи устраивали огромные митинги и демонстрации, доходившие до 50 тысяч человек. О таком приеме мы, выезжая из СССР, и мечтать не могли.

Совершенно иначе встретила нас полиция. Не успев я в Кенигсберге вылезть из самолета, как таможенный чиновник, рывшийся у меня в чемодане, с ужасом извлек огромное красное знамя. Скольких трудов стоило уговорить его, что я привез знамя в подарок, а не с целью коммунистической пропаганды!

Когда мы ехали по железной дороге от Карлсбада до Рехенберга (большой промышленный город), на всех станциях поезд встречали целые толпы рабочих, заранее предупрежденных газетами. Тут же на перроне устраивались митинги с оркестром музыки. Интернационалом, знаменами и т. д. Станционным жандармам приходилось скроменн удаляться, во избежание недоразумений с революционно-настроенной толпой.

Решительное состязание произошло в г. Кошич, в Словакии.

Наш приезд туда страшно взволновал местную полицию. Мы форменным образом оубадили, когда, выйдя с вокзала на площадь, увидели громаднейшую толпу народа с факелами (было уже темно), знаменами. Музыка гремела Интернационал.

Полиции было от чего тревожиться, она вообразила, что под видом спортсменов приехали трое большевистских агитаторов.

Нас сразу же вызвали в полицию, проверили паспорта, списали, зачем приехали, покочали недоверчиво головами и отобрали документы.

Позже мы узнали, что с наших документов сделали копии и перенесли наши фотографии.

Несколько дней, которые оставались до состязания, нам портили настроение „уаживания“ шпиков. Они ходили за

Знаменавецкий спортивным отделом «СМЕНЕ» Е. В. Громов (Классно-Промысловый рабочий спортивный клуб имени КИМ), участвовавший в поездке русских легко-атлетов в Чехо-Словакию.

нами следом, не давая покоя. Мы в магазины—они за нами, мы—домой—они у окон. Даже, когда мы залезли на колокольню, и туда шпик полез, поглядеть, что мы там будем делать.

Мы начали их изводить всяческим образом, а в полиции заявили полицеймейстеру в лицо:

— Зачем вам, милый господин, нужно было трудиться копировать наши фотографии? Попросили бы, мы и так задаром подарили бы вам...

Нужно было видеть его покрасневшую физиономию...

Спортивное состязание было назначено на воскресенье.

Чехо-Словакия — родина Сокольской гимнастики. Она преобладает здесь над всеми остальными формами физкультуры. От этого одиобочного увлечения еще

не отделились и пролетарские спорторганизации.

Потому ясно, что чехо-словацкие физкультурники оказались далеко не так сильны, как мы думали.

Правда, кошачьи комсомольцы оказались сильно подготовленными, но мы сохранили во всех выступлениях первые три места за собой.

День состязания оказался чрезвычайно хлопотливым для полиции. Еще утром, лежа в постели, мы услышали отчаянный шум в городе. Готовилась демонстрация. По распоряжению генерала Гайды, бывшего помощника Кочака, по городу разбежались броневики, разгона своим диамми гудками кучки народа.

Однако, внушительная демонстрация в 50 тысяч человек двинулась через весь город на стадион. Колоссальные толпы народа двигались по этому же направлению.

В честь нашего приезда были выпущены специальные жетоны, заменявшие билеты для входа на стадион. Их распродали в 2 дня. Билетов не хватило, и у входа стояли двое парней с фуражками, куда обильно сыпалась дробь.

На трибуне мы увидели фигуру Ильича во весь рост, очень мастерски сделанную. Это оказалось работой одного из местных комсомольцев, сделавшего ее прекрасно, несмотря на то, что пришлось работать по фотографии.

Во всех соревнованиях мы оказывались непревзойденными победителями. Каждая наша победа вызывала бурю восторга у собравшейся многотысячной рабочей публики.

Результаты таковы:
Толкание ядра: Берзин А—10 метров, 95 сантиметров

Метание диска: он же — 32 метра, 35 сантим.

Бег на 100 метров: Громов—11,2 сек.

Прыжки в длину с разбега: Громов—метров, 33 сантим.

Прыжки в высоту: он же—165 сантим.

Так славно прешло выступление русских физкультурников на международном состязании.

СЛЕВА: Вход на сельскохозяйственную выставку в Праге (Чехо-Словакия), на стадиона которой выступали русские спортсмены, собравшие в этот день более 25,000 зрителей. **СПРАВА:** Рабочие спортсмены в Габлонце снимаются с русскими востями после сорочнойной. Крестиком отмечен Б. Громов, автор этого очерка.

НАУЧНЫЕ КРУЖКИ „СМЕНЫ“.

НАУЧНЫЙ ОТДЕЛ „СМЕНЫ“ начинает энергичную кампанию по объединению вокруг себя различных научных комсомольских кружков. Из много, они разбросаны по всему СССР, но у них нет связи друг с другом, нет единого связывающего центра, который мог бы дать им нужные указания и руководство в работе, помочь в устройстве экскурсий, в получении нужных денежных сумм для своих работ, показательных выставок и пр.

Слово и рядом наши комсомольские научные кружки действуют вразброд, каждый по своему, за свой собственный страх и риск, не пользуясь опытом более старших, уже прошедших трудную полосу образования, таких же кружков. Слово и рядом, предоставленные самим себе, без опытных руководителей, кружки сбиваются с правильной линии работы и работа превращается в никому ненужных, никемных „любителей“.

На помощь им и приходит теперь Научный отдел нашего журнала. И прежде всего он берет на себя всемирную помощь кружкам в их научной работе. Помните нам, присылайте своих „ходоков“—и мы найдем возможность подобрать им по удешевленным ценам научные библиотечки. Мы свободим их инструкции и программы их работ, мы дадим им разъяснения по отдельным вопросам, в которых кружки не в состоянии разобраться самостоятельно. Эти ответы мы будем давать или лично представителям кружков, или же на страницах нашего журнала.

Из номера в номер мы будем уезжать достаточно места для того, чтобы давать не только научную консультацию по всем вопросам, возникшим в кружках, но и переписке кружков друг с другом. Это создаст тесную связь между комсомольскими научными кружками, это поднимет в них энергию и здоровую конкуренцию и значительно улучшит продуктивность их работы.

Мы сделаем все возможное для того, чтобы кружки самым широким образом развернули бы свои экскурсии в стоацию и различные производства и время от времени будем посылать к ним своих экспертов, списки рекомендуемых книг, журналов и проч.

Когда это дело значительно развернется, когда вокруг „СМЕНЫ“ объединится значительное количество научных кружков, тогда может встать вопрос о съездах представителей этих кружков, о всеобщих конкурсах и проч.

А ПОКА — РЕГИСТРИРУЙТЕСЬ В НАУЧНОМ ОТДЕЛЕ „СМЕНЫ“.

СМЕЛО ПРИСЫЛАЙТЕ нам письма о ваших нуждах, о ваших успехах, неудачах, ошибках и победах. Спрашивайте обо всем, что вам件сно, что вас интересует. Только самой широкой связью с Научным отделом нашего журнала и через него с остальными кружками—мы добьемся того, что наши молодые комсомольские кружки сумеют оказать неосенимые услуги советской промышленности и выдвинуть из своей среды смелых талантливых рабочих изобретателей.

Итак, регистрируйтесь у нас, налаживайте связь, присылайте своих представителей и пишите письма.

ПЕРЕПИСКА С КРУЖКАМИ.

Тов. СПИХНУЛИНУ К. (Рязань).

Декрет о „Свободе эфира“ вышел недавно и напечатан в „Известиях ЦИК“ от 9 сентября 1924 г. и во 2-м номере журнала „Радио—любитель“ (адрес: Москва, Б. Дмитровка, 1, Издательство МГСПС „Труд и Книга“, подписная цена на 1 мес. 60 коп.).

Для того, чтобы получить разрешение на установку приемника, надо в местную почтово-телеграфную контору подать заявление по форме, которая там имеется уже в готовом виде, и запо-

нить особую анкету. Контора в округе оформляет дело окончательно. После получения разрешения, выдается небольшая обменная плата за пользование приемником (с рабочих, служащих и учащихся—3 руб. в год, с красноармейцев, инвалидов и учащихся по стипендии—1 р., с прочих граждан—10 р.).

Что касается естественно-научных очерков в нашем журнале, то они входят в план научного отдела и будут помещаться в журнале.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМУ КРУЖКУ имени „Смены“ в Могилеве.

„Смена“ энергично взялась за дело помощи постоянной показательной выставке пропаганды электрификации. Все материалы о ней с письмом „Смены“ будут направлены к т. Калинин и т. Крижановскому.

Одновременно „Смена“ добилась разрешения на устройство экскурсии для нашего кружка в Москву, через экскурсбазу Наркомпроса.

Подробно об экскурсиях и о времени приезда будет сообщено особо.

Научный отдел „Смены“, приступая к организации при журнале выставки по различным научно-техническим вопросам, интересующих читателей, просит научные комсомольские кружки присылать в редакцию материал, могущий быть использованным для этой цели (фотографии, модели и т. д.).

ЧЕГО НАЧАТЬ?

ПЕРВЫЕ ШАГИ КРУЖКА ХИМИКОВ-КОМСОМОЛЬЦЕВ

В НАСТОЯЩЕЕ время Научный отдел, Сметка начал усиленную кампанию по организации различных научных кружков и в том числе — кружка комсомольско-химиков. Кроме того, подобные кружки уже работают при многих комсомольских клубах.

В помощь работе таких кружков, с этого исчер, редакция начинает помещать «химическую страничку», где будет даваться последовательное руководство для ведения работы комсомольского химического кружка.

КОМНАТА ДЛЯ РАБОТ.

КАЖДОЕ МАСТЕРСТВО требует места, но мастерство химика в этом отношении особенно требовательно. Лишь немногие опыты можно производить в общей комнате на простом столе. В большом числе опытов уже начинающий химик имеет дело с едкими жидкостями, брызги которых портят мебель и платье. Очень часто химик получает пахучие, вредные, а часто и удашающие газы. С какими бы предосторожностями ни производилась, например, получение хлора, — от его неприятных свойств уберечься почти невозможно, и потому в общем жеком помещении этих опытов производить нельзя.

Итак, требуется отдельная комната с хорошей вентиляцией и притом такая, которую можно хорошо отделить от других помещений. Идеальным в этом отношении выдвигается бы кухня с русской печкой, домашняя баня или прачечная, но об этих вещах немногие могут мечтать и то лишь в провинции.

В столице же придется ограничиться обыкновенной комнатой, приспособив ее, насколько возможно, имея в виду, что после работ по химии она должна быть освобождена от всяких пахучих и вредных газовых испарений и хорошо проветрена, если будет служить для жилья или других занятий.

Вот тут-то весьма полезным явилось бы приобретение следующих двух книг:

1) В. Н. ВЕРХОВСКИЙ. — Химическая лаборатория трудовой школы. Изд. второе. Гос. Изд. 1923. Стр. 94. Цена 40 к.

Эта маленькая брошюра содержит в себе описание помещения и общего ее оборудования для

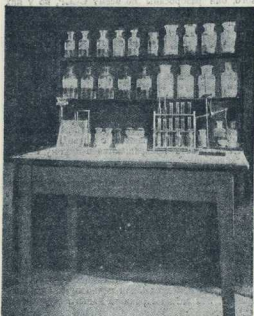

Рис. 3

трудовой школы, описание приспособлений для пользования водой, газом и устройством вентиляции. Разумеется, вряд ли даже кружку любителей будет под силу оборудовать свою лабораторию по этому описанию, но некоторые полезные сведения здесь почерпнуть можно.

2) В. Н. ВЕРХОВСКИЙ. — Техника и методы химического эксперимента в школе. Пособие для преподавателей и лаборантов и учащихся. Часть пер-

вая: прибор, материалы и приемы работ. Гос. Изд. Ленинград 1924. Стр. 255. Цена 1 р. 35 к.

Эта книга является незаменимым справочником для всякого, кто планирует лабораторию заниматься химией. В ней химик-любитель и химик-специалист одинаково найдут советы на все случаи своей лабораторной жизни. Следуя составу этой книги, вы будете оградены от всяких случайностей. В ней описаны всевозможные приемы работы и аппараты — от сравнительно сложных до самых простых, изготовляемых собственными средствами из самых обыкновенных материалов.

ОБСТАНОВКА ЛАБОРАТОРИИ И ХРАНЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ.

НЕОБХОДИМОЙ ЧАСТЬЮ всякой лаборатории является прочный стол с простой деревянной крышкой. В подставку обыкновенно устраивают шкаф, как в прилавках торговых помещений. Такое приспособление имеет свои удобства, но можно обойтись и простым столом.

Если стол не широк и приставлен к стене, можно или укрепить на нем или повесить на стене полку в две доски для стелюк с реактивами (веществами для опытов (рис. 1).

Если химический кружок большой, и имеется для того помещение, стол хорошо взять ширинкой в два аршина, поставить посредине комнаты, работать за ним по обе стороны. Тогда желательно полку для реактивов укрепить посредине вдоль всего стола.

Место для каждого занимающегося по длине стола должно быть не меньше аршина. Если при групповых занятиях работают с одним прибором по две, можно работать вдвоем на $6\frac{1}{2}$ —7 четв. арш.

На рис. 2 изображена внутренность идеальной лаборатории на большое число занимающихся; здесь видны большие двухсторонние столы, с полкой посредине, установленной реактивными стелюжками. Подстолье со шкафом несколько углублено под крышку, что очень удобно, так как колена не упираются при работе в крышку шкафов.

Рис. 7

Рис. 13

Рис. 5

Рис. 3

Рис. 4

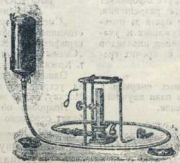

Рис. 6

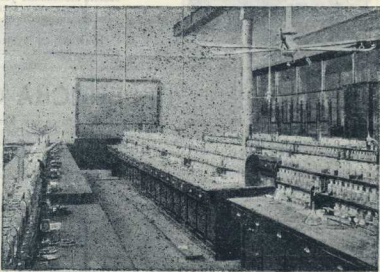

Рис. 2

Рис. 12.

Кроме стола и указанной полки, желательно иметь в лаборатории помещения закрывающийся шкаф для хранения приборов, посуды и реактивов, а также гад-вильну у стены полку в 6—6 дюймов с расстоянием около 20 сантиметров между ними.

У стола надо поставить большую глянцевую банку (корчагу) для того, чтобы снимать в нее едкие жидкости, обрывки бумаги, битое стекло и прочее.

Очень желательно в лаборатории иметь водопровод и раковину под водонепроницаемым крышечком.

СРЕДСТВА ДЛЯ НАГРЕВАНИЯ.

ИДЕАЛЬНЫМ ДЛЯ РАБОТ по линии является газ, и там, где он проведён, им надо воспользоваться без всяких размышлений. Для нагревания служат горелка Бунзена (рис. 3) или, еще лучше, горелка Телура (рис. 4). На газовой кран надевается катушечная трубка, другой конец ее надевают на отстенок горелки, открывают кран и подносят к устью горелки зажженную спичку.

Однако, газом не только в обстановке канцелярской лаборатории, а и в школьной, далеко не всегда можно воспользоваться. Поэтому болшею частью придется пользоваться обыкновенной спиртовой горелкой, применяя для горения древесный спирт или денатурат (рис. 5). В тех случаях, когда нужно сильное подогревание очень полезной является спиртовая лампа с резервуаром, изображенная на рис. 6. В резервуар заливается спирт, тот же спирт выливается в чашечку а у основания горелки (при закрытом вентиле б). Спирт в чашечке а загорается и, когда почти весь высохнет, приоткрывает вентиль б.

Проф. Верковский в своей «Технике и методике» довольно подробно описывает разные другие приемы нагревания (напр., бензином и даже углем).

ПОСУДА И ДР. ВАЖНЕЙШИЕ ПРИБОРЫ И ИНСТРУМЕНТЫ.

НА ПЕРВЫХ ЖЕ ПОРАХ полезно ознакомиться с видами и названиями важнейших видов лабораторной посуды. Растворы и жидкие вещества хранятся в реактивных склянках с притертыми пробками, сухие вещества—в банках,

Рис. 10.

Рис. 8.

Рис. 9.

частью с такими же стеклянными пробками, частью с обшивочными. За изменением средств можно и иметь жидкие реактивы хранить в обыкновенных аптекарских пузырьках с обшивочными пробками, но кислоты (серную, азотную и соляную) и некоторые другие вещества необходимо держать в склянках с притертой стеклянной пробкой.

В наших первоначальных опытах самой употребительной посудой будет пробирка (рис. 7). Это стеклянная трубка, запыленная с одного конца. Высота такой пробирки обыкновенно около 15 сантиметров, диаметр—немного меньше сантиметра. Для установления пробирок служат деревянные пробирочный штатив (рис. 8). Кроме пробирок из обыкновенного стекла, применяются пробирки из тугоплавкого стекла, но об них будем говорить, когда они понадобятся. На рис. 9 изображена колба б. Это род бутылочки или графина из толстого стекла. Наиболее употребительными в наших работах будут колбы в 200 куб. сант. емкостью.

На рис. 10 изображен химический стакан. Наиболее ходовыми размерами являются стаканы емкостью в 100 и 150 куб. сант.

Для первых же опытов необходимо приобрести связку стеклянных трубок фунтов до 5-ти. Наиболее ходовым размером будут трубки немного тоньше обыкновенного круглого карандаша и с карандаша.

При работе надо обращать внимание, чтобы стекла были чистыми. Аршина двести катушечных в красной или черной трубке и толгой ширины, чтобы она с некоторым усилием могла быть пята на приобтертую стеклянную наборную трубку.

Набор пробочных сверл (рис. 11). Достаточно для обыкновенных работ иметь набор в 6 сверл; для составления большинства приборов можно обогатить набором в 10 сверл.

Трезубриганий жом под колбу (высокого качества) совсем небольшой для резки стекла.

Воронки химические с диаметром верхнего отверстия в 5 и 10 сантиметров (рис. 12).

Воронка с ланной в трубкой (рис. 13). Длина трубки 25—30 сантиметров.

Пробирочный жом (рис. 14). В крайнем случае можно обойтись и без жомов.

Всем, для начальных работ можно обогатить обыкновенными весами с рогатыми чашками диаметром 6—7 сантиметров и разновес к ним от 0,1 до 30 граммов (рис. 16).

Поземно, но не необходимо, иметь весы Берджесса (рис. 13). По 6 февраля (рис. 16), до 1 килограмма грузоподъемности с соответствующим разновесом.

ШТАТИВЫ С ДЕРЖАЛКАМИ И КЛЕММАМИ.

НА РИС. 17 ИЗОБРАЖЕН штатив со всеми необходимыми частями.

Однако, в случае недостатка в средствах, можно пользоваться более простым штативом, изображенным на рис. 18. К деревянной доске прикрепляется деревянная же палка. На палку накручена железная отожженная проволока; другому концу можно придать любую форму (кольца, треугольника, спирали) и поддерживать им пробирку, колбу, горелку и проч. Проволоку можно легко перегибать по штативу вверх и вниз и вместе с тем он вполне удовлетворительно удерживает предметы на требуемой высоте.

Рис. 14.

БЛИЖАЙШАЯ ПРОГРАММА.

НАШЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ знакомство с химией будет самым элементарным. Чтобы не запутаться в дебрях довольно мудреной науки, мы начнем с самого простого. На одних опытах же книг мы далеко не уедем. Для систематического изучения химии на первых шагах выберем книгу:

3) Р. БЛОХМАН.—Введение в экспериментальную химию. 1923 г. Издательство Ладзжикона. Берлин. Стр. 123.

Для тех, кто желал бы иметь популярную литературу для чтения, которая бы вводила в основные обобщенные выкладки с точки зрения химии, можно рекомендовать следующие две книжки:

4) ЛАССАР-КОП. Химия в обобщенной жизни. Третье издание. Гос. Изд. 1923 г. Стр. 271.

К сожалению, в этом третьем издании почему-то опущен алфавитный указатель, а он так нужен именно в этой книге, содержащей громадное количество фактов, которые без алфавитного указателя трудно найти. Поэтому, если попадется, лучше купить второе русское издание, в котором есть алфавитный указатель (Изд. Дерзена, 1905); к тому же издание в некоторых магазинах продается за полшестя.

5) Ф. ЛАССАР-КОП.—Химия—звучит. Гос. Изд. Украины. 1922 г. Стр. 81. Цена 40 к.

Эта прекрасная книжка служит дополнением предыдущей, так как содержит в себе все новизны и последние достижения в области технической химии в Германии за последнюю войну.

За последние время в довольно большом количестве издает книжки по физике и естественным (главным образом для целей школы) «Добротки». В дальнейшем попутно читатель найдет в наших статьях обзоры всей этой литературы.

Рис. 17.

Рис. 18.

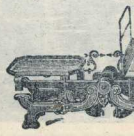

Рис. 16.

Рис. 15.

Рис. 13.

Рис. 14.

КРУГОСВЕТНЫЙ

С. СОТНИКОВ.

28 ГО СЕНТЯБРЯ ЭТОГО ГОДА американские радио-станции передали всему миру коротковолновую радио-грамму:

«Сегодня закончился кругосветный перелет американских летчиков. Пройдено 44.054 километра. Затрачено 175 дней».

ТО, ЧТО сообщили нам недавно радио-станции Америки, — не только очередной блестящий американский трюк. Совершившийся кругосветный перелет имеет громадное научное значение. Он является блестящим испытанием самолетов на выдержку в самых тяжелых условиях работы. Он доказывает, что пассажирские воздушные перелеты возможны на громадные расстояния в десятки тысяч километров и что даже кругосветные пассажирские путешествия, — самая возможная действительность для современной авиации.

Этот грандиозный опыт был задуман и выполнен американцами. Для экспедиции были тщательно построены специальные самолеты системы Дуглас с моторами «Либерти» по 400 лощ. сил каждый. Крылья самолетов автоматически складывались, чтобы иметь возможность укрыть аппараты в небольшом помещении во время плавания.

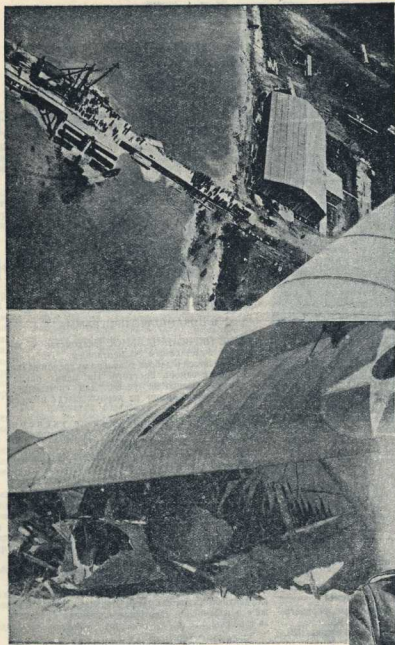
После долгого обсуждения американцы решили обогнуть земной шар с востока на запад, и маршрут намечался следующий: старт¹⁾ в С.-А. Ш. Затем, Британская Колумбия и Алеутские острова, — перелет через Тихий океан в Японию (одна из внутриазиатских этапов пути), — Китай — Индия — Персия — Месопотамия — Сирия — Турция — Болгария — Румыния — Сербия — Венгрия — Австрия — Германия — Франция — Англия (перелет через Атлантический океан) — Гренландия — Нью-Йорк — и, наконец, финиш²⁾ вместе старта Кловер-Филд, Санта-Моника, Калифорния.

Еще задолго до начала перелета, в первых числах февраля, из центральных американских авиационных складов началось отправка авио-частей в намеченные остановочные пункты перелета.

Подавать штук одним только запасных моторов направлено было в различные этапы³⁾ следования американской экспедиции. Принадлежности для самолетов упаковывались самым тщательным образом, чтобы не было испорченных в пути через океан. На каждом упакованном ящике была начерчена особая диаграмма, на которой указывалось размещение и положение каждого инструмента.

Наконец, все было готово, и 17 марта в 9^{1/2} ч. утра офицеры военной американской службы: Ф. Л. Мартин (начальник всей экспедиции), Д. Г. Смит и Л. Уэб со своими механиками покинули аэродром Кловер-Филд, Санта-Моника и Калифорнии, изнач перелет вокруг света.

- ¹⁾ Старт — начало состязания.
- ²⁾ Финиш — конец состязания.
- ³⁾ Этап — остановочный пункт.

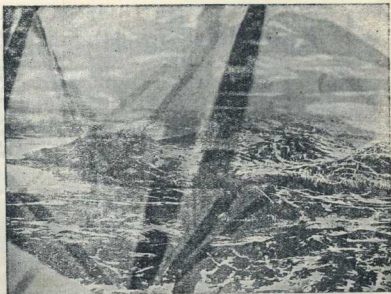
ВВЕРХУ: Аэроплан Мартина, состоящий на озере Вашингтон, Ситли. Майор Мартин потерял здесь 2 дня по пути в Аляску из-за починки пропеллера и смены колес на поплавок.

В СРЕДИНЕ: Останки фламанского аэроплана эскадрильи «Ситли» — машина майора Мартина, — разбились в 100 милях к востоку от Чигинка, Аляска. Сам Мартин и его механик Гарвей целую неделю бродили в Аляске, пока не натолкнулись на охотничью хищницу, откуда дали знать о себе.

ВНИЗУ: Майор Ф. Л. Мартин (воздушная служба армии С. А. Соединенных Штатов), командир эскадрильи кругосветного перелета.

Аэроплан лейтенанта Нельсона «Нью-Орлеан» на стоянке в Нагайск, Япония.

Перелет пелла, которую деточки увидели после перелета Атлантического Океана: вид на мыс Гаррисон, около Индийской гавани Лабрадор.

ПЕРЕЛЕТ.

снимки «Photo News».

Четвертый летчик, принимавший участие в экспедиции, Е. Г. Нельсон, вылетел накануне в С.-Франциско для проверки компаса и должен был присоединиться к остальным товарищам в пути.

Четыре «мировых крейсера», как окрестили их «янки», отправлялись в долгий и трудный путь.

НО НЕ ОДНА Америка отправляла кругосветную экспедицию: англичане в свою очередь также организовали полет вокруг-эсмы, при чем был намечен почти тот же маршрут, что и у американцев, но только в обратном направлении — с запада на восток.

В этом случае английская экспедиция интересовалась вопросом не столько о кругосветном перелете, сколько о возможности установления воздушных сообщений со своими колониями и, главным образом, — с Индией.

Англичане спарганили лишь один аппарат — «земноводный». Это гидроаэроплан Вилверс по имени «Whitely» (Истреб) был оборудован мотором «Нэпир» системы Дэйви. Команда состояла из 3-х человек: командир-летчик С. С. Милларден, его помощник — летчик Паллардес и механик Анджус.

Организацера и снабжение английской экспедиции были проведены не менее широко, чем и американской.

Для нес английским авио-заводом было сделано два совершенно одинаковых аппарата: один — для совершения перелета, другой — был отправлен в Японию, в г. Токио, в качестве запасного.

Запасы горючего были размещены в 60 местах пути следования летчиков.

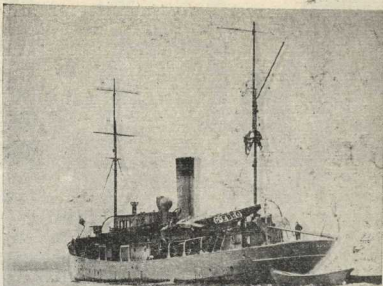
АМЕРИКАНЦАМ не повезло с самого же начала. Благодаря бурной погоде, во всему побережью Тихого океана, точнее же после старта, одна из трех вылетевших машин потеряла небольшую аварию, но быстро исправил повреждение — скоро догнала остальные и

всес они 19 марта прибыли в Ситл в побережье Тихого океана. От Ситл путь шел большей частью над морем, потому паксы были сменены на повалочки, чтобы иметь возможность садиться на воду. Этот промежуток пути от Ситл до Японии считается самым трудным, благодаря безлюдью края и частым туманам.

Американским минносецам был отдан приказ крейсировать в море, чтобы оказать летчикам помощь в случае аварии.

ШЕСТЬЮ ДНЯМИ позже отправился в кругосветный перелет и английский самолет. Он вылетел 25 марта из Кошлотта (близ Сууттемптона) и на первом же этапе чуть-было не разбился о береговые скалы близ города Глар (Франция) так как ему пришлось лететь из-за густого тумана на небольшой высоте, чтобы не сбиться с дороги.

Только изумительная доблесть и находчивость пилота Мак-Ларена спасла летчика и аппарат от грозившей ему гибели.

ВВЕРХУ: «Тигаль» Канадское судно, которое должно было помочь майору Макларену, английскому летчику (окружа селка, когда он разбился на сибирском берегу. На борту парохода ехидно о татки аппарата Миллардена.

В СЕРЕДИНЕ: «Бостон» — аппарат лейтенанта Уайда, летящий над южным Китайским морем на перелете Шанхай — Гонконг.

ВНИЗУ: Капитан Лоурел Г. Смит, один из лучших летчиков американской военной авиации, который принял командование кругосветной экспедиции после исчезновения майора Мартына.

Первая остановка на американском континенте; прибытие кругосветной экспедиции на Лабрадор в КРУГЕ: Герой полета Гренландия — Лабрадор, лейтенант Арчард; механик на аппарате Нельсона, которому пришлось на-одинать в воздухе «инюар» в продолжение 4-х часов.

Летчики перед перелетом с Оркнейских островов в Исландию. Слева направо: лейт. Уайд, лейтенант Эрик Нельсон, его механик лейт. Арчард, лейт. Овдин, капитан Смит, командир экспедиции и лейт. Гардье.

СЛЕВА: Герои полета (сады) и их почтовый конвой над зданием городского самоуправления в Нью-Йорке.

СПРАВА: На аэродроме в Нью-Йорке летчики были встречены пятидесятишестичасной толпой.

ВНИЗУ: (слева направо) Нельсон, Смит и Уэд, Нью-Йорк, С. А. С. Ш.

АМЕРИКАНЦЫ, между тем, вплоть до 7-го апреля в Ситле подготавливались к одному из труднейших этапов своего пути.

В этот день они тронулись в полном составе. До 13-го часа благополучно боролась со снегом, дождем и бурей над Аляскинскими островами.

Следующий день был роковым днем для начальники экспедиции. На перелете Сьюда-Читинг их аппарат попал в снежную бурю, и связь с ним прекратилась.

Тотчас же все миноисцы, находившиеся поблизости, были посланы на поиски пропавших летчиков. Почти через сутки одному американскому контр-миноисцу удалось найти в окрестности поселка на южном мысе Мартин и его механика.

Они пробыли 20 часов в дельной воде, пока их отыскал военный корабль. Аппарат Мартин погиб в океане.

Это происшествие не остановило безстрашного американца от участия в дальнейшей экспедиции и, получив из Америки новый аппарат, 30 апреля майор Мартин вылетел в дальнейший путь во главе экспедиции.

Но несчастья, казалось, преследовали его. В тот же день, 30-го апреля, на перегоне Читинг—Индерсанская гавань майор Мартин опять пропал без вести во время тумана, а в течение двух недель, вплоть до 12-го мая, о нем не поступало никаких сведений.

Гибель летчиков казалась несомненной, и команда на экспедиции была передана старшему в отряде, —лейтенанту Смуту, который после нескольких дней ожидания повел экспедицию к намеченной цели.

Оказалось, что командир американской экспедиции, майор Мартин, не погиб.

В тумане он вылетел на гору и ввербле разбил самолет, но при этом остался жив и, пройдя пешком 12 дней, прибыл невредимым в порт Мидлер—уединенный пункт на берегу Берингова моря. После этой второй аварии майор Мартин не решился продолжать полет и возвратился обратно в Америку.

В ЭТО ВРЕМЯ английские летчики из-за порчи мотора сидели на острове Корфу.

Накануне 16-го апреля, «Ястреб», управляемый Мак-Лареном, вылетел в дальнейший путь и пропал с 16-го по 22-е апреля от о. Корфу через Афины, Каир, Гиза, Багдад, Бушир до Бейкер-Альбаста.

Таким образом, перелет Англия—Индия был совершён в 28 дней, считая в том числе шестидневный перерыв на о. Корфу из-за порчи мотора.

23-го английская экспедиция прибыла в гор. Карачи.

20-го апреля во время перелета от Карачи в Агру испортился мотор, и летчика вынуждена была опуститься у г. Пары и отбросить самолет обратно в Карачи по жем. дор., так как своими средствами исправить его не удалось.

Починить мотор не было возможности и в Карачи; поэтому Мак-Ларену пришлось вторично выплыть третьей по счету мотор из Англии.

Пробыв еще 16 дней в Карачи и поставив новый мотор, английская экспедиция 12-го мая, наконец, вылетела в дальнейший путь.

ТРИ ОСТАВИВШИХСЯ американских самолета прибыли 4-го мая в Агге. Самым трудным перелетом был этап от острова Чикагова до Пармушра. Летчиком этого этапа в снежной буре пришлось опуститься на Канкаских островах, принадлежащих СССР.

Переждав бурю, летчики через три часа улетели дальше.

Теперь самое тяжелое—перелет от Аляски до берегов Японии—был позади, и ход перелета значительно ускорился.

16-го мая летчиками было пройдено расстояние 800 километров в 7 часов, и через три дня они уже были в Касуми-Агута—морском воздушном порту Японии.

Здесь пришлось немедленно отремонтировать аппараты: сменить прежние двигатели на новые, высланные из Америки в начале экспедиции, и ставить другие подопаяки.

В ЭТО ВРЕМЯ, оставив новый мотор, английским летчик Мак-Ларен, вылетел с новым мотором из Агры, 23-го мая был в Калькутте (Индия).

День 24-го мая был роковым для англичан. С их самолетом произошла катастрофа: аппарат при посадке улетел в воду и утонул. Летчики и механик спаслись.

Узнав о несчастье с Мак-Лареном, американская экспедиция, находившаяся в это время в Токио, пришла на помощь англичанам: на американский биотехнологичный миноисец был погружен запасной гидро-аэроплан и выправлен в Акиабэ.

Таким образом, за два месяца с начала кругосветного перелета английская экспедиция преодолела расстояние в 10 000 километров.

За это время двигатель менялся четыре раза, и вдобавок утонул самолет, на котором было начато путешествие.

Пробыв введено в столице Японии, американские летчики отправляются в дальнейший путь, и 4 июня совершают блестящий групповой полет через Желтое море, опускаясь в Шанхай.

На этом пути (Япония—Шанхай) были расставлены морские суда на расстоянии ста километров одно от другого на случай, если бы с кем из летчиков произошла несчастье. Но все обошлось благополучно.

В ЭТО ВРЕМЯ Мак-Ларен со спутниками с 24-го мая по 20-е июня в Акиабэ ожидал прибытия второго аппарата, высланного американцами из Токио.

Только к концу июня прибыли они на берег Японии, тщательно готовясь к трудному перелету Япония—Америка.

24-го июня они тронулись в путь; но в тот же день были вынуждены сесть близ Петропавловска на Камчатке из-за порчи мотора, отквашенного в работе.

Это был последний этап пути англичан. Дальше они уже не полетели.

Так неудачно кончилась на пол-пути их попытка совершить перелет вокруг земли.

Первым этой неудаче виновен: Во-первых: тип аппарата, избранного для совершения путешествия, был слишком тяжел, 12 700 килограммов (715 пудов) для дальних перелетов; сложность системы управления в ущерб его работоспособности и управляемости.

Во-вторых: в начале внутриавиационных этапов пути англичане уже сильно устали и измотались как физически, так и душевно: ведь у Гара и Акимаба (да еще не раз) англичане были на волосок от смерти.

Все это вместе взятое и заставило их отказаться от смелой попытки обогнуть на самолете земной шар.

НЕСМОТРИЯ на неудачу англичан, американцы не отчаиваются. 7-го июня они уже вылетают из Шанхая и 16-го июня спускаются в Хейлоун—отправившись в путь английской экспедиции.

2-го августа летчики Смит и Нельсон вылетают на остров Исландию в Атлантическом океане. Третий этап Уэд на перелете с Фарерских островов вынужден был спуститься в океан из-за порчи мотора и был подобран вместе с аппаратом проходившим судном.

На Исландию экспедиция пришлось задержаться из-за подготовки новых аэро-баз, потому что по предположению прежде маршрут лететь не удалось из-за мела ледовых льдов.

Застыв же на о. Исландия, был получен новый указ от лейтенанта Уэда, так как прежний был признан негодным для дальнейшего следования.

Ответа с о. Исландия, экспедиция через Нью-Йорк и Сан-Франциско совершила свой заключительный перелет, и 28-го сентября в составе трех самолетов прибыла в Ситли— официальное место начала перелета.

На весь перелет ими было затрачено 250 дней, при средней скорости в 122,17 километров в час.

При перелете выяснились большие работоспособности современных аэро-двигателей, которые в самой тяжелой обстановке без замены работают на протяжении 20—30 тысяч километров.

Этот грандиозный перелет доказал полную возможность организовать воздушно-пассажирские линии на аэропланах вокруг земного шара, но при одном непременном условии: правильной организации Службы Снабжения и Службы Связи.